

18+

Микк Аллинз

*Из моего
возьми
костра*

*Именам, живущим
в сердце...*

Микк Аллинз

**Из моего возьми костра.
Именам, живущим в сердце...**

«Издательские решения»

Аллинз М.

Из моего возьми костра. Именам, живущим в сердце... /
М. Аллинз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-658133-3

Жить по любви, совести могут не все, да и не всегда, когда характер диктует странные решения, меняющие смысл жизни. И первой страдает любовь, когда в битве за неё гибнет тот, кто не должен. А вот если в борьбе за её самый сладкий приз — вдову, сходятся непримиримые: сын, любовник и сожитель, то достанется ли она кому-то за секс, деньги, чувства, придёт к Богу — этим явит удел своей Души. В сборнике публикуются рассказы, напечатанные ранее: «2000 дней счастья... И обмана», «Зачем же обманула тебя?»

ISBN 978-5-00-658133-3

© Аллинз М.
© Издательские решения

Содержание

Микк Аллинз	6
Из моего возьми костра...	6
Вместо предисловия	7
Любовь со светом земляники...	8
Счастьем скроенные дни...	28
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Из моего возьми костра Именам, живущим в сердце...

Микк Аллинз

© Микк Аллинз, 2025

ISBN 978-5-0065-8133-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Микк Аллинз

Из моего возьми костра...

*Из моего возьми костра
Огня неуголённой страсти,
И день, летящий как искра,
Мне радость принесёт в ненастье.*

М. Андреев-Амурский

(описываемые события имели место в сегодняшней жизни, имена персонажей изменены, а возможные совпадения с ними – чистая случайность).

Вместо предисловия

Судьба отняла у меня двух замечательных женщин, оставив яркую, разноликую память о них. Две Инны, две Инночки, словно соревнуясь друг с другом, спешили войти в моё сердце. Первая, не жалея себя, отдавала все свои светлые чувства, сражаясь за них до последнего дня жизни. А вторая, среди немногих счастливых дней, отметилась мрачными тенями своего прошлого, продолжая играть с капризной судьбою в рулетку. Потому и остались обе в моей душе навсегда...

Любовь со светом земляники...

Май Года Чёрной Водяной Свиньи Лёха Антонов, учитель истории, химии, биологии, а теперь ещё и географии в одной из школ Автограда, дорабатывал радостно. Совсем не потому, что впереди светился летний отпуск и ждала возможная поездка домой на такой желанный родной Дальний Восток. А по той простой причине, что по слухам, его снова собирались перевести на другое место работы. Работать географом в продвинутой школе было интересно, однако ревнивый женский коллектив всё больше стал раздражать Лёху каким-то ненавязчивым интересом.

Согласившись на помолвку с дочерью генерала авиации пять лет назад до данных событий, он приехал в этот город один, пообещав молодой леди привезти её, как только получит какое-нибудь сносное жильё. Но возможный тесть, Фёдор Иванович, бывший родом из глухой провинции, и в советское время совершивший весьма неплохую генеральскую карьеру, работая с первыми космонавтами, теперь пожелал, чтобы дочь, после предстоящего его перевода в Москву, обязательно уехала с Дальнего Востока вслед за ним.

Сначала на семейном совете родители выбрали Автоград, в котором жили их многочисленные родственники из глубинки. Но когда Лёха верой и правдой заработав какое-никакое жильё на Автозаводе – отдельную комнату, ушёл в школу, им уже не захотелось, чтобы любимая и строптивая дочь приезжала в эту глухомань. Её приезд означал, что надо будет здесь остаться навсегда, а это наводило родителей на весьма и весьма грустные мысли, так как они считали дочку достойной лучшего города. Поэтому вкратце сообщили, что Лёха уже мог её и не ждать.

Уроки давно закончились, и в опустевший класс, по-хозяйски, поздоровавшись, вошёл директор школы Владимир Иванович. Простой, и по жизни немного суетливый, он так и не привык быть чиновником.

– Зайди ко мне минут через десять, – пригласил он Лёху, – кое-чего обсудить надо. Ровно через десять минут Лёха уже сидел в кресле наискосок от директора, внимательно слушая очередные причитания завуча о беспорядках в столовой, неправильном дежурстве, ужасно вороватых поварах, пока Владимир Иванович не прервал её, махнув рукой: «Ладно, потом решим...».

Недовольная, она передёрнула плечами и вышла из кабинета.

– Тут такой вопрос у нас с тобой, – директор обращался к Лёхе как к равному, потому что за два года работы с ним хорошо узнал его безотказность в делах, – звонили из Заводуправления, просят прислать надёжного, хорошего молодого учителя на работу пионервожатым в их санаторий. Прежняя женщина срочно уволилась, а впереди, сам понимаешь, новый летний сезон, дети приедут лечиться, а с ними ведь надо работать. Ну, как, пойдёшь? Вспомнишь молодость пионерскую, отдохнёшь. Там сосны, воздух волшебный просто..Оформлю тебя переводом по согласованию, ничего не потеряешь..Ну, как, по рукам?»

– А здесь как? Уроки? Географа-то нет, – Лёха замаялся и решил подбросить зерно сомнения в их беседу. Ему жалко было бросать красиво ухоженный своими руками класс.

– Ты не переживай, – Владимир Иванович постучал пальцами по старой лакировке стола, – географ будет. Это моё дело. Тебе ещё денег подкину премией вместо отпуска за счёт завода. Жаль, конечно, что от меня уйдёшь. Вся детвора очень любит твои уроки, особенно с кинофильмами. Но подвести заводских не могу, обещал им, пойми и ты меня правильно».

– Хорошо, Владимир Иванович, так когда приступать?, – Лёха медленно поднялся, прочитав в глазах директора теплоту и спокойствие.

– А вот с первого июня и поедешь туда, – директор протянул Лёхе руку, – всё устрою как надо, только работай. Там главный врач по фамилии Пшеничный, подойдёшь к нему, доложишься».

Так прохладным первоиюньским утром, в свой тридцатый день рождения, Лёха оказался по воле судьбы на пути к своим новым, ярким чувствам, оставившим в его сердце не только светлую радость, но и вечную печаль...

За окнами автобуса, выделенного заводом санаторию-профилакторию, мелькнули последние, облезшие от зимней стужи, корпуса цехов. Потянулись бескрайние колхозные поля с начинающим желтеть урожаем пшеницы.

– Да, видно ехать долго, – задумался Лёха, – как же я пылить-то буду туда и обратно? Неудобняк, однако..» И, неожиданно для себя, заснул.

Его разбудил скрип открываемой двери и разговоры немногих пассажиров. Не торопясь, он вышел вместе со всеми, и побрёл искать доктора Пшеничного.

Санаторий был построен в сосновом бору на берегу Волги для отдыха заводчан ещё во время основания завода и был уже не тот, что раньше. Свежий смолистый дух бодрил, и Лёха понял, что директор его совсем не обманул. Здесь действительно было замечательно от одного соснового волшебного духа.

Уже потом, оказавшись в гуще событий, Лёха полностью смог оценить всю прелесть этих мест и гадость тамошнего коллектива, поражённого, как может быть и везде, местничеством, сплетнями и постоянными, горящими нетерпимым огнём, интригами.

В кабинете главврача стояла приятная прохлада. Пригласив Лёху присесть в кресло, хозяин через секретаря вызвал завуча, осанистую Веру Ивановну, передал ей все бразды по переговорам, а сам с важным видом удалился по своим врачебным делам.

Лёхе не хотелось снова лезть в детство. «Опять пионерство, дети, горны, трубы, – недовольные мысли мучили, раздражали. Лучше бы предложили вести предмет по моей специальности». Словно угадав ход его мыслей, Вера Ивановна тут же раскрыла все тайны вопроса:

– Да, нам нужен учитель биологии, ну и по совместительству пионервожатый. Прежняя ушла в декретный отпуск и теперь мы как-то без неё остались. Жалеем.. Ну, соглашайтесь! Дети у нас хорошие, спокойные, правда меняются каждый месяц. Так это наша особенность санаторская. Приезжают всего на один месяц подлечиться, а мы их должны и лечить, и учить». При этом она внимательно, изучающе смотрела Лёхе прямо в лицо, ожидая от него какой-либо реакции.

– Ну, я конечно, согласен с вами, если так, – у него отлегло на сердце, – стаж учительский тоже не помешает. Да пионерский тоже..»

– Договорились. Пойдёмте, сами посмотрите, что и как у нас. Просторная комната глядела широкими обшарпанными окнами на санаторный двор с поржавевшим флагштоком, на котором уныло висел выцветший до изумления флаг. Лёха кивнул на него: «А это для чего? Поднимаете часто?»

– Да у нас здесь целый ритуал. Открытие, закрытие сезона. Настоящее представление. И это будет полностью ваше занятие. Так что не расслабляйтесь, готовьтесь. Через неделю всё должно быть сделано. Сценарий, дети, участники, ну и остальное. Вы теперь в штате старший пионервожатый. А учитель биологии уже потом. С расписанием вас познакомлю. Уроки по санаторному типу короткие, всего полчаса. Так что никак не устанете». Окинув напоследок остатки пионерства, она вышла, плавно покачивая гладкими выразительными бёдрами.

Лёха присел на продавленное кресло за обшарпанным столом, заваленным разными картинками и бумагами. В воздухе стоял устойчивый запах старой макулатуры, пыльных занавесок, и ещё чего-то, совсем непонятного. Барабаны, горны, отрядные флажки настороженно смотрели на него со своего эшафота на стене. В дальнем углу хмуро притаился под слоем пыли цветной телик.

– Да-а, дела, однако, – у Лёхи защемило сердце, – пионером-то я был давным-давно, а вот командовать пионерчиками ещё никогда не доводилось в моей жизни..Придётся и эту чашу испить. И зачем я согласился на эту дребедень?».

По куче бумаг на столе с самыми разными сценариями Лёха сразу понял, что срочно ушедшая рожать его предшественница неплохо поставила здесь своё дело. Ему особенно понравилось расписание мероприятий на месяц со всякими рисунками.

Сидя в шатком, напрочь убитом кресле пионервожатой, он и представить не мог, что листы ватмана, подобные этим, будет творить с настоящей любовью, причиной которой станет местная молодая особа весьма приятной наружности. Та, кто перевернёт всю его неровную, до хромоты, холостяцкую жизнь..

В дверь без стука заглядывали дети, с интересом рассматривая нового хозяина их святылища, и, наконец, некоторые, осмелев, вошли, остановившись неподалёку от стола.

– А вы кто будете? Наш новый вожатый? – храбро спросила девочка с веснушчатым носиком и белым, словно припудренным личиком. Потом Лёха узнает её грустную историю неизлечимой болезни. Но сейчас его занимало другое – как найти общий язык с детьми в совершенно новом для него деле.

– Да, я ваш новый старший пионервожатый, – он выдохнул воздух и продолжал, – будем работать, как и раньше при Надежде Петровне, совсем ничего не поменяем, оставим всё как есть». – И дискотеки по субботам? – с тайной радостью блеснул глазками вихрастый, видать невероятно шустрый, мальчуган.

– И дискотеки тоже, – не задумываясь согласился Лёха, ещё не представляя себе вполне, что ж это такое для детей в условиях санатория.

С криками «Ура, дискотеки будут!» шумная стая наследников пионерского дела мгновенно испарилась, оставив после себя неистребимый больничный запах лекарств и острого ощущения непонятого Лёхой чувства – то ли красивой, яркой надежды, то ли будущих неприятностей...

То, что детям здесь теперь жить весело, Лёха понял сразу. В этих стенах их больше не преследовал казённый дух школы, надоевших уроков, после которых надо было обязательно выполнять «домашку», не лезли с расспросами и угрозами вызвать родителей надоевшие учителя. Свободу от школы делали тоскливой болезни, про которые, собственно, они вообще-то вспоминали лишь на лечебных процедурах.

Погрустив чуток в теперь уже своей пионерской, Лёха решил осмотреться в самом санатории. В длинном светлом коридоре, по ходу, мелькали безликие номера врачебных кабинетов. И вдруг среди этой канцелярщины ярким выразительным пятном бросилась в лёхины глаза красивая табличка с симпатичной рисованной надписью «Библиотека».

Знать бы Лёхе, что тут начнётся его вторая, и самая красивая жизнь сердца и души, он бы пришёл сюда гораздо раньше. Однако время никогда нельзя обмануть, и он осторожно приоткрыл дверь в неведомое.

Небольшая комната, превращённая в хранилище книг, была прохладной, и совсем, как настоящая сокровищница, тихой. Справа от входа, за столом сидела девушка с красивыми серыми глазами, в скромном свитере. Она внимательно посмотрела на вошедшего Лёху, но тут за ним следом в библиотеку влетела стайка детей и хозяйка множества книжек сначала занялась ими.

– Бог мой, она же настоящее сокровище, я пропал, – полыхнуло в голове Лёхи, – без неё я отсюда уже не уйду или только через какую-нибудь мою войну.. Непонятным природным чувством он понял, что именно в ней хранится то самое, главное завораживающее начало, от которого разгадавшее его сердце вдруг стало бешено колотиться, и Лёха, испугавшись, что упадёт, вдруг присел на стул, взяв для вида в руки какую-то яркую детскую книжку с иллюстрациями.

Вскоре детский щебет потихоньку затих, они остались вдвоём среди книг. Лёха встал, слегка дрожащими руками вернул книжку на место.

– Что ж, пойду сдаваться, – подумал он, подходя к её столу.

– Здравствуйте, я ваш новый пионервожатый, – скомканно пробубнил Лёха, ощущая реальный лёд под сердцем, – мне бы книжки какие взять, да и узнать, что и как тут». Изумительные серые глаза библиотекарши, смотревшие на Лёху, ясно сказали ему, что он пропал..

– А меня зовут Инна, – девушка чуть-чуть склонилась над формуляром, – вам что-нибудь найти конкретное или вы уже выбрали книжки?».

И тут Лёху понесло. Уже через полчаса яркой и занимательной беседы серые глаза ясно дали ему понять, что плотно свили своё гнездо у него на сердце. Теперь он знал о ней почти всё. И что она учится на «заочке» в институте культуры, живёт одна с мамой, работающей на заводе, любит рисовать, немного петь, чуть-чуть лениться, когда почти всё уже сделано или когда ну, совсем, нет никакого в душе настроения..Айсберги в груди растаяли, и Лёха, окрылённый надеждами, вернулся в своё местное, заплётённое временем и безнадзорностью, пионерское прибежище.

Не успев отдышаться после полученного духовного допинга, он обернулся на шаги у двери. Завуч, верная своей привычке, вошла в пионерскую без стука, словно в свой кабинет.

– К завтрашнему утру подготовьте план мероприятий на месяц. Учтите, всё будем строго проверять, посещать каждое мероприятие, – здесь Вера Ивановна поджала губы, – запомните, Иосиф Павлович всегда лично сам проверяет и подписывает график мероприятий».

– Ну что ж, конечно, сделаем, – Лёха усмехнулся глазами и почувствовал ответный холодок во взгляде завуча. «Чем же это я им не понравился, – недоумевал он. Первый день на работе и уже какие-то тёрки..со стороны всяких-яких».

Откуда ему было знать, что на это тёплое, по их понятиям, место, всегда претендовала дочь завуча, но заводские начальники поломали всю местную обедню, и вышло как вышло – приехал какой-то парень со стороны. Правда, симпатичный, но всё равно не свой, чужой, совершенно непонятный.

А потом Лёхе битых два часа пришлось ломать голову над календарём мероприятий, пока его не осенила здравая и очень радостная, до сладкой дрожи в сердце, мысль. Вспомнив красивую табличку на двери библиотеки, он понял, кем будет теперь спасён.

Не прошло и нескольких минут, как они, склонившись над столом в библиотеке, «кроили» расписание мероприятий на месяц. Договорились быстро, тем более, что Инночка это уже делала всегда в отсутствие часто болевшей прежней пионервожатой. Приблизившись к ней, он почувствовал её будоражащий женский запах, особенный, неповторимый, который запомнился ему на всю оставшуюся жизнь.

Шутка Инночки на своего любимого (фото автора)

Видно было, что она не пользовалась косметикой, потому что и так была по жизни хороша. А юное лицо со смешинками возле глаз при её весёлом настроении уже уютно устроилось в его сердце, словно ласковая кошка. Инночка одевалась довольно скромно: серый тёплый свитер, красивая синяя юбка, сшитая своими руками, ладно сидевшая на её стройной девичьей фигурке. Лёха сразу открыл в ней целый, неведомый до этого, мир, и новое ласковое слово

именно для неё он произнёс совсем не случайно. Чувства переполняли его, и он сразу понял – оно ей понравилось.

– Меня так никто не называл, – смутившись, сказала она тихо, – даже мама. Инной называет и когда сердится, и ласкает, но чтоб так нежно, я никогда ещё ни от кого не слышала...»

– Вот, сделали расписание, теперь можно и пообедать, – в её голосе звучало столько радости, что Лёха растерялся. – Я не могу тебя объедать, лучше в столовую схожу», – он попытался встать, но увидев её взгляд, остановился. В нём было так много просьбы и одновременно обиды, что вообще невозможно было отказать.

– Всё равно такую кучу сосисок не съем, дома пожадничала, а теперь не могу всё это уместить туда, – Инночка рукой легонько показала на живот, – попробуй, вкусно, а потом меня покормишь своим обедом, наконец согласилась она. Когда придёт время...»

«Старший пионервожатый» трудится.. (фото автора,1984)

С каждым днём Лёха вращал в её сердце глубже и глубже. Приходя на остановку автобуса к утреннему рейсу в санаторий, он первым делом высматривал уже знакомую стройную фигурку с ярким жёлтым кожаным чемоданчиком. Весь её нарядный, весёлый вид так и говорил: «А вот и я. Тоже с тобой еду!»

Она всё ещё стеснялась на людях открыто общаться с ним, в автобусе почти всегда ехала отдельно. Лишь иногда, положив ему на колени свой любимый чемоданчик, становилась рядом, как бы невзначай. Но, если позволяла ситуация, садилась рядом, первой начиная милую болтовню о всякой всячине И всё равно по санаторию уже поползли всякие разные сплетни. Их слышала только Инночка, общаясь с женщинами персонала. Лёха же, увлечённый чувствами к ней, был напрочь глух к подобным вещам, практически не замечая ничего подобного в окружающей жизни.

Заканчивалась первая неделя вожатской работы Лёхи, и, как-то увидев грибников с корзинками в автобусе, он за очередным обедом предложил Инночке сходить в лес на «тихую охоту».

– Думаю, здесь опят видимо-невидимо, – Лёха мечтательно зажмурился. Вообще-то уже и не помню времени, когда грибы собирал. Последний раз у себя на родине, в Хабаровске

с братьями по тайге «шарились», нашли чуть-чуть на жарку чего-то там, и всё. Часов шесть с лишним бродили, домой еле-еле живые от ходьбы приползли». Её серые глаза сразу засветились радостью. Лёхино сердце исходило сумасшедшим стуком только от прикосновений к ней, вольных или случайных.

Очередным субботним утром, одевшись для лесной прогулки, они встретились пораньше на остановке. Народу в санаторий ехало немного, и почти все – чужие. Стало ясно, что бояться было некого. Они тихо сели на заднее сиденье, и только здесь смогли перевести дух. Говорила, в основном, Инночка.

– Вчера старшая медсестра ко мне заявила, и как-то нервно стала выпрашивать всё про тебя, кто ты да что ты. А я реально не знаю о тебе совсем ничего, – тут она улыбнулась и знакомые смешинки у глаз снова согрели лёхину душу. – Так она сильно удивилась, и глаза сделала широкие..Я их давно знаю, третий год здесь работаю. Почему-то они всё хотят про всех что-то знать. А зачем? Не понимаю их!».

Лёха смотрел на неё и никак не мог найти сил оторваться. Серые глаза колдовали, смеялись, грустили, и надо было всё это запомнить, занести глубоко в душу, и вместе с ними тоже колдовать, радоваться и грустить, чтобы плыть в одном с нею потоке жизни.

– Давай выйдем пораньше, там народу меньше будет, а грибов – больше. Если конечно на неделе их все не собрали», – её улыбка и предложение охоты окончательно растопили его душу. «В своём лесном наряде она и впрямь похожа на охотницу. Почти Диана. Только лука нет, – шевелились тёплые мысли в голове Лёхи, – а мы вот по грибы идём. И найдём ли?..»

– Ты только не отходи далеко, – попросила его Инночка, здесь всякие разные собаки могут бегать, а я их очень боюсь. – Да? – удивился Лёха, – Какие собаки?» – Да санаторные, – Инночка поёжилась, – Они тут всегда такие очень недовольные..Нервные.. Пристают, кушать просят. Привыкли, что им еду раздают все кому ни лень».

– Ой, наконец-то нашла, – Инночка наклонилась над старым пнём, и в ложбинке между сосен стала выбирать стайки молодых опят. Лёха торопясь, подошёл, тихо приминая прошлогоднюю хвою. Он в первый раз видел такое большое количество красивых грибов. Инночка аккуратно подрезала их маленьким ножичком и укладывала в корзинку.

Лёха присел рядом. Её лицо было улыбочиво и сосредоточено. Радость от первой находки лесной красоты исходила от всех движений её тела. Он понимал, что теперь и ему надо найти такую же радость, чтобы разделить её вместе. То ли знание грибной жизни, то ли природная интуиция подсказали Лёхе, что надо только получше оглядеться вокруг и всё будет найдено. И точно. Возле соседней сосны, из-под старой хвои, выглядывали янтарные, нарядные шляпки молодых опят.

– И я нашёл кое-что!, – Лёха немедленно снял ножиком урожай и подошёл к Инночке. Она неспешно чистила лезвие от лишней земли, оглядываясь вокруг. – Смотри какой симпатичный, – он положил ей на ладошку молодой гриб с красивой и ровной шляпкой. – Теперь лесной волшебник будет твоим..»

Воздух ещё не согрелся, под кронами сосен тихо гуляли потоки утреннего ветра. Её розовое, свежее лицо сияло среди тишины соснового бора. Серые глаза уже просили в сердце тепла, и Лёха нежно коснулся её губ..Она мгновенно вросла в него и гулкой стук сердца заколотился во всём его теле..Оторвавшись от Лёхи, Инна побежала между сосен, вниз, и он по-настоящему испугался, что теперь с ней что-то может случиться. Схватив корзинки, бросился догонять её, и едва успел ухватить за рукав куртки, остановив на краю огромной ямы до краёв наполненной прозрачной дождевой водой.

– Инночка, ты больше так не бегай, я реально переживал за тебя, – его лицо, белое, словно мел, говорило правду.

– А это во мне сегодня поёт радость», – она обеими руками взяла лёхину голову и стала жадно-жадно целовать в губы, глаза, словно не видела любимого сотню лет, и теперь возвращала себе все его долги нежности..

Огромный сосновый пенёк, стоявший рядом, развеселил её, она быстро вскочила на него и радостно спросила: «Хочешь спою тебе песенку про медведей? Только не смейся, я петь-то и не умею хорошо, а как могу». Лёха просто таял от удовольствия видеть её такой светящейся от чувства.

– Нет, не буду, ты меня сметишь своей улыбкой.

– Нет, нет, пой, буду слушать..

Но стеснение победило желания, и она, спрыгнув на землю, взяла его за руку и побежала обратно, вверх, к краю соснового бора, откуда они начинали свою охоту. Она теперь точно знала, что не только сама любит, но и любима.. Душа Инночки просто сияла от счастья, видя, что её боготворят...

Миша - грибник...

Подарок Инночки после «грибной охоты» (фото автора)

Домой ехали сияющие. Её мама ещё была на работе, и они так подгадывали свои встречи, чтобы не встретиться с нею на квартире. Инна пока не хотела Лёху знакомить со своей матерью, которая несколько лет назад пережила бурный развод со своим молчаливым мужем. Да и об отце Инна практически ничего не говорила. Стеснялась признаться. Лишь однажды, через

несколько дней после грибной «охоты», в порыве откровенности, поделилась с Лёхой, лёжа на диване в одной наброшенной на себя его любимой клетчатой рубашке:

– Мы долго жили в Булычёво. Совсем небольшое красивое село в Пензенской области. Отца я очень любила. Как папа, он был добрый, но часто выпивал, и поэтому мы подолгу жили без денег. Правда, рисовал хорошо, выпиливал лобзиком всякие штуки красивые. Наверное, его страсть к рисованию и ко мне перешла. Люблю это дело. Когда есть настроение, беру краски и рисую. Забавно, но даже пою, бывает, при этом. Хочешь, тебе что-нибудь нарисую? – она приподнялась на локте, её серые глаза сверкнули хитринкой, – у меня есть идея с красивой собачкой!».

Инна ласково, с тайным желанием, коснулась пальчиками его губ. Идею Лёха, естественно, одобрил сразу долгим поцелуем, а её слегка задрожавшее тело стало свидетелем соглашения. Лёгкое, доступное, оно исходило таким тёплым светом, что просилось на руки. Но Лёха ещё не мог переступить грань проникновения в её самые сокровенные тайны, сокрытые нежно – сливочными покровами.

Потом они долго лежали, тесно обнявшись, на скрипучем ложе. В лёгкой дреме прошёл почти час, который отметился хрипло задрожавшим на столе стареньким будильником. Инна, легко вскочив, успокоила своего домашнего сторожа. Пока Лёха спокойно досыпал последние минуты сегодняшнего счастья с нею, она хлопотала на кухне, разогревая простенький обед. Вскоре должна была прийти мама, а Инне пока не хотелось представлять ей своего избранника, испытывая этим свою судьбу.

На следующий день Лёха, появившись в своей пионерской комнате, похожей на зал, сразу бросился к столу, заваленному грудой бумаг. Уже в понедельник, через день, предстояло его «боевое крещение» – открытие нового заезда детей в санаторий, а в голове не было ровно никакой мысли о мероприятии. Он бросился к Инне в библиотеку. Проходя по коридору, залитому ярким солнечным светом из широких боковых окон, услышал за спиной какой-то шепоток, но, не обращая на него никакого внимания, пошёл к ней в библиотеку. И только войдя в зал, понял, что шептали-то ему: «Опять к ней бежит. И как не стыдно...».

Философски рассудив, что теперь это не так уже и страшно, Лёха подошёл к Инне, перебиравшей книги на полках стеллажа. Опять тот же любимый свитер, опять её стройная фигурка..

Едва сдерживая себя от полыхнувшей страсти, подошёл к ней.

– Ин, у меня в понедельник открытие заезда, а я не знаю что и как делать..

– А сценарий? Есть? – её удивлённые глаза светились легко и просторно. – Там же у неё в папках их масса, возьми и действуй».

– Да, они есть, но на месяц нужно ещё сделать план мероприятий. Завуч рвёт и мечет, мелкий бисер уже топчет...»

– У меня есть прежний, я его делала, когда замещала больную. Давай повторим, только сейчас раскрасим по-другому», – она слегка тронула Лёху за рукав, увлекая к столу. Два часа, голова к голове, смеясь и дурачась, они придумывали занятия детям на целый месяц. Вообще-то придумывала одна Инна, а Лёха безропотно смотрел, как её ловкие пальчики снуют по квадратам ватманского листа и дорисовывают по дням всякий раз что-нибудь смешное.

Теперь он больше смотрел ей в лицо, увлечённое своими придумками, красивыми и неожиданными, чем думал о том, что же будет послезавтра на торжественной линейке открытия нового заезда детей. Наконец, завершив работу, она радостно глянула ему в глаза:

– Вот, а ты боялся! Это ж так просто!, – улыбнулась Инна, – пойдём, чаю попьём. У меня печенье хорошее есть», – и потянула его за руку в дальний угол хранилища, где стоял незаметный от входа её обеденный столик с чайником, расписными кружками и прочими милыми вещицами.

– Я так люблю чай пить, не представляешь., – её глаза тепло сощурились, она нежно двинула губами. Вот печенье сама пеку, рецепты придумываю. Мама однажды как-то научила, а я уж сама приспособилась к её всякому делу. Она всё мечтает выдать меня замуж за одного парня, но мне так не хочется за него... Сама не знаю почему. Не хочется и всё тут. Он ей нравится, а мне – нет. Не для меня он. Грубый. Нахальный...» И замолчала, смутившись.

Лёха старался как можно теплее смотреть ей в глаза, чтобы смягчить боль от неожиданных признаний. Он всё больше и больше входил сердцем в её непростой мир, удивляясь многим непонятным вещам. Но старался не будоражить душу Инны своими притязаниями, понимая, что всё самое-самое сложное ещё впереди. Они выпили почти весь чайник, и пошли в его «пионерскую» посмотреть какой-нибудь фильм. Но как назло, ничего не было и Лёха собрался уходить на уроки. У порога двери Инна тесно прижалась к нему: «Завтра приходи обязательно...»

– Приду, конечно, – ответил он и поцеловал её в глаза.

Назавтра, придя на работу, он с удивлением узнал о бурных переменах. Приглашение в кабинет главврача он воспринял однозначно: будут бить.. Но по виду и завуча, и Пшеничного он понял, ему придумали что-то адски новенькое. И действительно, его переселили из пионерской комнаты, сделав из неё игровую комнату. Он стал хозяином уютного кабинета возле библиотеки, а также маленького радиопомещения, в местном обиходе звавшегося «радиорубкой». Этим переменам Лёха обрадовался сразу. Во-первых, не нужно было мучиться со всякими пионерскими сборами, пыльный зал со знамёнами и барабанами ему уже поднадоел. Во-вторых, начальники и не подозревали, какую большую и приятную услугу ему оказали, быстро изгнав из пионерского святилища. Теперь Лёхин кабинетик находился рядышком с библиотекой, и ему не надо было «светиться», бегая по коридору к Инне из пионерской комнаты.

Он расположился в нём совсем по-хозяйски: принёс из дома свою верную пишущую машинку, переставил и протёр мебель. Бывшая захламленная кладовка старшей медсестры превратилась в его любимый рабочий кабинет.

Первой оценила его старания Инна. Она заглянула в дверь и приятно удивилась:

– Да, ты молодец! Вижу, как хорошо можешь устроиваться! И, улыбнувшись, сразу предложила:

– У меня дома есть шторы. Мама их не очень любит. Здесь очень светло. Давай занавесим окно. И дуть не будет. Хочешь, а?».

– Конечно. Из твоих красивых рук всё, что пожелаешь мне замечательного... – Ага, ну ладно, только ты мне помоги их привезти, они тяжеловаты. – Какой вопрос, – Лёха внимательно посмотрел Инне в глаза. Они по-прежнему были шутливо-веселы.

– По такому важному поводу нам надо обмыть новоселье, – Лёха поддержал её весёлое настроение, – пойдём, чайку попьём? Я пирожки взял в столовой. Свежие...».

Инна радостно кивнула головой: «Сейчас, поставлю кофейник и позову, когда вскипит. Будет готово, подам условный знак!».

Через полчаса она тихонько постучала в стену. Лёха радостно шевельнул губами: «Совсем как заговорщики.. Ну и ну!». И пошёл тихонько к ней в библиотеку, предварительно оглядев коридор по сторонам. Наступивший полдень быстро усадил всех медичек за обеденные столы. В холлах растекалась прохладная тишина.

Инна сутилась у стола, разливая чай в красивые высокие фарфоровые кружки. Она принесла из дома всё, что нужно было для красивого застолья: салфетки, подставки под кружки, сахарницу, нарядные чайные ложечки. Лёха с удовольствием отметил её домовитость. «Ей нравится красиво хозяйничать, хочется, чтобы всё в доме было замечательно. Такая вот мне и нужна».

Набрав воздуха в грудь, Лёха решил: «Ин, а давай сходим в поход. Пока тепло стоит, дождей нету. Мошкара не покусает. Сухие дни...». Несколько мгновений она выразительно мол-

чала, медленно перемешивая ложечкой горячий чай. Потом, подняв глаза, ответила: «Я тоже очень хочу, но мне надо подготовиться. Место выбрать, вещи собрать. Скажу тебе завтра или послезавтра. Хорошо?». И гулкий барабан лёхиного сердца немного приутих: «Она согласилась. Но видно, ещё думает у матери разрешения спросить, а так бы согласилась сразу..» Он улыбнулся радостно и широко:

– Конечно. И я свои вещички переберу. У меня палатка – «памирка» есть, спальные мешки. Котелок обязательно надо взять, сварим чего-нить вкусенького на природе...».

Домой ехали с новой радостью. Их мысли о совместном общении бежали вперёд, торопя разные сладкие желания.

Наступила назначенная для похода суббота. Лёха поднялся далеко до зари, измученный мыслями о предстоящем душевном испытании, проверил все вещи и пошёл на остановку автобуса.

Уже подходя к месту встречи увидел не только Инну, но и парня лет двадцати, по виду студента какой-то «ремеслухи». Досадуя, что они будут не одни, Лёха подошёл к компаньонам по отдыху, деревянно поприветствовал «студента».

– Привет, Лёша, – в просящем голосе Инны теплилась надежда на его будущие хорошие отношения со свидетелем их турпохода, – это мой двоюродный брат. Мама попросила взять его с собой, он никогда не видел Васильевских озёр..

– Ага, – ухмыльнулся про себя Лёха, – не видел он озёр тутошних, – даже младшие школяры знают про них, не то что «ПТУшники». Через несколько минут прибыл неприглядного вида автобус, и они поехали к озёрам. Полчаса тряского пути унесли неудовольствие первых минут, и Лёха снова наслаждался общением с Инной, весёлым блеском её глаз, их нежным ласковым прищуром, полным девичьего озорства.

Водитель остановился по их просьбе точно у озёр, и они пошли краем леса искать место для ночлега. Вот тут Инна и показала себя истинной хозяйкой. Мягко, настойчиво она руководила поисками и удобным обустройством маленького лагеря. Лёха не сопротивлялся. Здесь он был в первый раз, места не знал, да и не хотелось ему лезть «наперёд батьки в пекло», как иногда говорил отец. Тут ему нравилось всё: сосновый лес, озёрная тихая вода, рубиновый закат падающего в воду вечернего солнца.

Он ехал сюда за чувствами, за любовью, и совсем не собирался спорить о бытовых мелочах. Инна это прекрасно поняла и её настроение заметно улучшилось. По всему было видно, что она имела серьёзный разговор с мамой, не желавшей, чтобы дочь поехала одна в лес с ночлегом, да ещё с незнакомым парнем, которого мама и в глаза-то совсем никогда не видала.

Палатку поставили на взгорке, подальше от воды, чтобы не затопило в случае дождя. Совет Лёхи приняли, узнав, что он целый сезон работал у геологов в далёкой дальневосточной глуши и знал кое-что из туристических понятий. Пока располагались, Инна уговорила «кузена» заготавливать дрова для костра. Вечер наступал довольно прохладный, и топлива нужно было много.

Немного поворчав, «родственничек» поплёлся искать сушняк, а влюбленные принялись готовить ужин из картошки с тушёным мясом. Лёха с наслаждением смотрел, как Инна ловко управляется с готовкой и вообще, поймал себя на мысли, что всё, что она делает – полное для него счастье.

И потом, сидя у почти догоревшего костра, уплетая картошку с тушёным мясом, пусть и немного пересолённую, Лёха по-прежнему чувствовал неутолимую радость в сердце, рождённую чувствами к Инне. Они ещё погрелись у тихого огня, молчаливо наблюдая как пепел постепенно покрывает угли лёгким седым налётом, иногда выбрасывая целые фонтаны искр. Разговор при «родственничке» совсем никак не вязался, и потому Инна первая предложила укладываться спать.

Наступила тёмная глухая ночь. Лёха ворочался с боку на бок, про себя поминая тихим неласковым словом навязанного в поход «кузена», громко храпевшего с другой стороны палатки. Инна лежала не шевелясь, лишь иногда, по детски, словно всхлипывала во сне. Но ему почему-то казалось, что она вовсе и не спит, только молчаливо ждёт чего-то особенного. Он не ошибся.

Когда маленькая рука в полной темноте вдруг оказалась у него на груди, Лёха, тут же ощутил её горячую ладонь, и с дрожащим сердцем почувствовал, что она медленно стала опускаться вниз, пока не остановилась на самой выразительной части его тела, мгновенно восторженной от тёплых ласковых прикосновений. Пальчики вдруг растерянно замерли, но, вспомнив давнее желание хозяйки, стали медленно знакомиться с давно желанным для неё предметом, осторожно передвигаясь по настоящему сгустку живой энергии...

Её голова неожиданно оказалась рядом и жаркий шёпот словно кипятком окатил лёхино сердце: «Давай сейчас убежим из палатки!..Знаю, он крепко, давно спит, и уже ничего совсем не услышит». Инна первая тихонько выползла наружу. Стараясь не шуршать постелью, Лёха медленно и аккуратно свернул оба спальных мешка, прихватил одеяло, и сторожко последовал за ней. Сердце колотилось, горло пересохло от волнения, он было стал суетиться, однако Инна, взяв его за руку, смело повела от места ночлега дальше в сумрак леса. Она так уверенно и споро двигалась в темноте, что Лёха неожиданно сравнил любимую с ясновидящей, хотя всё объяснялось просто – накануне вечером, тайком от него, она хорошо присмотрела укромное местечко для взаимных наслаждений недалеко от палатки, в самой гуще леса, и теперь уверенно вела своего обожаемого на край их света.

Его душа пела. Никогда ещё он не чувствовал себя таким счастливым. Даже темнота не пугала его своей сырой и холодной неожиданностью. Уголёк маленькой девичьей ладони плескался в его сердце новым греющим огнём, заставляя всё больше и больше трепетать душу.

– Я буду сейчас с ней здесь, на природе, под звёздами, буду принадлежать только ей и никому-никому больше, – кружились невиданным танцем мысли в лёхиной голове.

Вскоре она остановилась, осветила место лучиком фонарика и сказала: «Здесь... Ты взял спальные мешки?» – словно знала, что он не то, чтобы прочитает её мысли, но всё же догадается о будущем удобстве. – Да, взял. И одеяло ещё», – Лёха аккуратно расправил мешки, прихваченное одеяло, и они улеглись на небольшом взгорке.

Тёплая июньская ночь, пропитанная запахом цветущих трав, трели цикад, карусель ярких звёзд кружили ему голову. Лёхе подумалось, что никогда такими ослепительными и обнажённо-белыми в своей красоте он их не видел. И ещё никогда в ночи, под глазами планет в открытом небе, рядом с ним не лежала любимая, готовая ради него на очень и очень многое. Смолистый воздух витал над их разгорячёнными ходьбой и острыми желаниями телами.

В лесной темноте, сразу ставшей Лёхе очень жаркой, Инна прижалась к нему всем телом и выразительно зашептала, вода тихонько и нежно пальчиком по его губам:

– Ты знаешь, о чём я мечтала два года назад? Работала тут же, но мне было так одиноко. Мама с папой разошлась со страшным скандалом. Представляешь, они даже штаны, и те, делили. А я всё думала, почему у них сложилось так плохо? И поняла, детей у них больше не было, а у меня сестры или брата. В Бульчёве, где я жила до этого, у всех семьи большие были. Как-то в радости жили. А мы сюда переехали, и папа запил. Не знаю от чего. Может, место поменялось жизни, может мама как-то не сумела приспособиться. Непонятно... И мне одиноко стало. Пошла на работу, в институт поступила. Тут мама парня и присмотрела, да я взбунтовалась. Ты не смотри, что я у тебя под рукой такая тихая. Могу, ого-го ещё как, взбрыкнуть..И она пока отстала. А годики идут-то, как часики тикают. Так мне ребёночка захотелось... И ты вот меня на счастье встретил... Да? Правда? Хочешь от меня маленького? Чувствую по тебе, хочешь... Видела, как ты на меня в лесу смотрел..Будто я волшебница какая, тебе что-то несущу, или готовлюсь принести..».

– Инночка, и правда, ты – ясновидящая.. Тут шла прям уверенно, как знала, куда ступать. Я и подумал, ровно кошка всё видишь ночью...».

– Не-а, совсем не такая. Просто днём, пока ты немного дремал в палатке, я тут место нам на ночьку приискивала. Нашла. Теперь мы здесь с тобой лежим. А он в палатке пусть храпит, и потом мамочке докладывает, что всё спокойно было в городе Багдаде..

– Шутница ты, Инночка. Ни за что б не догадался так сделать».

– Конечно, для тебя всё сделаю, и на всё пойду. Сердце у тебя доброе. Я точно это по твоим глазам увидела, когда ты с доктором Пшеничным калякал насчёт работы там, в коридоре. Меня-то не заметил, а я тебя сразу..И уже тогда решила, ты – будешь мой».

Она замолчала, и так же мечтательно её горячая ладошка легла тихо ему на сердце, словно прислушиваясь к его восторженному биению. Её жаркий шёпот снова обжёг лёхино ухо внезапным желанием:

– Он у тебя такой быстрый, живой. Там, в палатке, не успела к нему ещё и подобраться, как он, вжик, сразу стал «готовенький». Испугалась, страх, а вдруг «кузен» сразу проснётся, тогда всё матери расскажет, и нам с тобой вообще уже никогда не удастся встретиться. Потому и решила удрать от него к тебе, сюда, под звёзды. Правда, здесь прохладно, но ты такой горяченький, весь в своего..«живчика». Так Его называть буду. Хочешь? Возле него... мне так нежно-нежно и сладко на душе. И таю вся от желаний».

С этими словами она быстро и ловко освободилась от летних шортиков, под которыми совсем ничего не оказалось, и ещё теснее прижалась к жаркому лёхиному телу.

– Приподнимись-ка чуточку, – настойчиво попросила Инна через несколько мгновений, и потом уверенными движениями освободила его тело от лишних покровов. – Господи, да с тобой и зимой печки не надо. Ты же кипяточек для меня просто».

– Как-то и не замечал, привык по жизни, что такой, будто огненный, так природа удумала», – лёхин язык уже еле ворочался, немея от наступающего урагана чувств. Её маленькое ладное тело словно таяло, умятаясь в его объятиях.

– А у тебя «живчик» тоже всегда такой же горяченький? – шутливо поинтересовалась Инна, – надо бы проверить, а то вдруг он в какой-нибудь дрожащий холодец превратился». Видя, что Лёха от изумления молчит, Инна быстро придвинулась головой к его самой горячей части тела и, погладив несколько раз язычком пухлые щёчки уже вставшего ровным и высоким солдатиком «живчика», неожиданно окружила их плотно своими тёплыми губами, снова и снова продолжая их прилежно ласкать со всех сторон, возбуждая в нём всё новые и новые движения.

Низ лёхиного живота провалился в пустоту, жар тела сменился резким холодом, и Лёха снова ощутил дрожащие нетерпением покровы Инны, движения её губ, рук, неумолимо приближавших ураганные волны наслаждения. Испытав самое полное начало телесного удовольствия, она решила немедленно, сейчас же его продолжить, впустив «живчика» в свой «дворец» наслаждений.

Стоя над ним на коленях, она снова и снова молча умоляла его, как можно чаще касаться своими нежными складками «бархатных» стен её маленького, тесного, но такого ласкового пространства, в котором, по её мгновенному желанию, должны были немедленно поселиться новые и дорогие для неё создания.

Он входил, приспособливался, снова входил, стараясь лучше освоить своё новое жилище. И от этих его торопливых входов-выходов Инна теряла дыхание, словно бежала за ним вдогонку, а плещущие волны принесённой им яркой, полыхающей энергии, разноцветными мелькающими мотыльками с их мягкими, нежными крыльями всё больше и больше сжимали стены её красивого «дворца», изо всех всех сил стараясь принести с собою лучшее наслаждение для её души.

Инна молча улыбалась невиданной радости, по лицу текли неуправляемые слёзы, но только она в эту летнюю ночь знала о таком наслаждении, и сладких для неё слезах. Вспыхнувшая страсть была самой большой тайной, которую она потом доверит и ему, любимому, подарившему такое незабываемое счастье.

Стенки "дворца" содрогнулись от набежавшего сладкого потока новой, ещё более сильной волны. Инна, с наслаждением испытывала полностью её силу, со сладким, тихим стоном медленно прилегла на грудь Лёхи. Но вдруг, словно что-то вспомнив, она быстро и неожиданно для него развернулась обратно, и жадно обвила своими губами горячие щёчки «живчика», подарившего ей в эти короткие, но такие дорогие мгновения, частички природных сокровищ, не донесённых до стен её маленького, красивого «дворца» с изящными узорными золотыми воротами.

Вернувшись к нему под руку, Инна с нескрываемой радостью прошептала в горячее лёхино ушко:

– Ты наверно удивился, что я нырнула за ними в самую глубину. Прости, давно об этом мечтала, как только тебя увидела. Наконец-то я с ними познакомилась, и знаю, что один из них будет точно моим, таким же умным, красивым, как и ты. Они мне показались такими миленькими, сладенькими, будто утренний киселёк. А я дома всегда по утрам пью разные кисели. Потому и почувствовала их такими. Ты не обижаешься, что я так сделала? Ведь всё без спросу», – при этих словах Инна пошевелила нежно всеми пальчиками и сладостно, довольно потянулась всем телом, издавая незабываемый запах бесконечной любви.

Вместо ответа Лёха бросился целовать её лицо, шею, и так бы дошёл до всех остальных мест, если бы Инна не прикрыла его губы ладонью: «С тобой, милый, у нас ещё будет много времени, только давай немного отдохнём, да потом тихонько проверим нашего караульщика».

Лёха согласился, и неожиданно заснул буквально на несколько минут. Она разбудила его, ласково погладив губы. Вздрогнув, Лёха удивился, что так долго спал. «Да всего минуточку, – успокоила его Инна, – понимаю, перенапрягся, наслаждался, отключился. Сама этим грешу, когда на работе или дома очень устану. Пойдём в домик наш, а то караульщик нас хватится, панику поднимет».

Через несколько минут они лежали совсем без сил под влажными стенками палатки, умиротворённые ярким, сладким свиданием под звёздами. Их короткий утренний сон прервали пьяные злые голоса, резкие звуки неровных шагов, треск сухих ветвей. «Это деревенские, – Инна спросонок боязливо прижалась к Лёхе, её колотила нервная дрожь, – они здесь так часто ходят по лесам, всегда себе приключения ищут. Ты не выходи, пожалуйста, я боюсь за тебя».

– Эй, вы там, в палатке, дрыхнете, что ли?» – раздался нетрезвый голос снаружи. – Дайте пожарить чего, а то халабуду вашу снесём, земля наша, а вы тут гости незваные». Инна стала нервно шуршать в сумке, где были их припасы. Вынула начатый батон хлеба, кусок колбасы и выбросила свёрток из палатки на траву.

– Вот это дело, – рваные голоса куражились, – пошли пацаны отсюда до деревни, у них больше ничего нету, в ларьке водочкой разживёмся». – А это вам на прощание, – тент палатки колыхнулся от плеснувшей на него жидкости, – ночуйте тут пока до утра, да потом сматывайтесь». Голоса постепенно стихли, и влюблённые, утомлённые бурной ночью и происшествием, быстро заснули.

Они спали почти до полудня, пока раздосадованный «кузен», которому пришлось готовить обед, не крикнул им от костра: «Эй, сони, хватить спать, всю еду упустите».

Солнце, яркое и жгучее, уже стояло в зените, когда все уселись за полевой стол. За несколько минут нехитрый обед, состоявший из тушёного мяса с картошкой и духовитого лесного киселя был съеден, а участники пиршества стали спорить, где больше растёт спелой земляники – вблизи палатки или глубоко в лесу, подальше от неё...

Инночка..Запах леса, ягод, любви. (фото автора)

После недолгих споров наконец-то приняли «соломоново» решение – искать поблизости, разделившись на две группы: «кузен» согласился пойти в сосновый бор, где как он считал, так много ягод, что и не собрать их никому вовек, а Лёха с Инной решили осмотреть полянки поблизости. Они просто чувствовали по природе, что там великое множество плодов. Здесь Лёха чуть-чуть схитрил, он-то знал, что лесная земляника любит влажные и прогретые солнечным теплом места, и потому согласился снимать урожай на своём участке. А Инна просто поддержала его, втайне надеясь исполнить своё задуманное дело.

И действительно участок оказался урожайным. Среди травы краснело множество ягод, правда мелких, но от этого не менее соблазнительных. Попадались и крупные, которые Инна тут же отправляла в корзинку. Возле одного, довольно большого кустика ягод их головы сблизилась и она заговорщически прошептала, хотя «кузена» – соглядатая не было рядом:

Любовь со вкусом земляники.. (фото автора)

– Эх, обожаю земляничный вкус..., – и продолжила, – а если тебя земляникой покормить, они какие у тебя будут? С запахом ягодок или никакие?» И тут же предложила ему на своей ладошке целую горку собранных ею самых спелых и крупных ягод. Лёха сначала не понял вопроса, но потом до него дошёл его смысл. Он слегка растерялся, не зная даже как ответить на её интерес к нему с тайным смыслом.

– Думаю, будут вкусными, всё-таки ягодки с кислотами органическими всякими, да ещё сильно пахучими, а они почти не распадаются внутри, так и уходят в разные части тела. А что? Ты чего-то интересное для нас придумала? Какой-нибудь опыт с земляникой поставить? – продолжал он, – я, например, варенье люблю из неё».

Инна игриво прищурилась. Смешинки-паутинки побежали от уголков глаз: «Вот и угощу тебя вареньем земляничным. Меня мама классно научила ягодки целиком варить, а я потом сама рецепт изменила, да свой и придумала. Очень его люблю! Тебе точно понравится. Вот поешь моего варенья, а потом...– тут она снова хитро посмотрела на Лёху, – и я попробую..» Увлечённый поисками спелых ягод в траве, он совсем не обратил внимания на хитросплетения её мыслей, и только лишь наслаждался улыбкой на её лице от радости в совместной забаве.

Часа через два, утомлённые ягодной охотой, они сошлись у своей палатки и решили после короткого отдыха отправиться в обратный путь. Домой приехали затемно. Лёха помог занести Инне вещи домой и попрощался с ней под зорким контролем «кузена».

Миша - лакомка ...

Подарок Инночки после «сладкого» похода (фото автора)

Назавтра ему предстояло музыкальное мероприятие. Нечто вроде утренника для маленьких пациентов. Нужно было готовиться к выступлению. У него уже было почти всё готово, но что-то мучило его, и он сам не понимал причины. Он так свыкся работать вместе с Инноч-

кой, что одиночество в работе стало угнетать его, и Лёха заметил, как стал раздражаться по любому, даже малому поводу. И он решил всё это лечить сном.

Радиокомнату он немного подремонтировал с помощью местных учителей труда, украсил её кое-какими плакатами, выдраил до янтарного блеска старое деревянное окно, измочаленное временем. Инна повесила принесённые из дома старые шторы, и место для личных встреч было готово.

Оставалось только одно препятствие – рядом по коридору располагалась прежняя пионерская комната, превращённая в игровую, а напротив неё был форпост сплетниц – кабинет старшей медсестры, которая подсматривала за всеми и собирала информацию для главврача Пшеничного и несменяемого завуча Веры Ивановны. Поэтому Лёха и решил посещать радиокомнату, когда позволяла ситуация, под вечер, когда все главные «надсмотрщики» разъезжались, а он мог там провести время с пользой для себя.

После проведённого похода Инна смотрела на Лёху уже совсем по-другому. Он тоже это почувствовал. Соединив свои чувства близостью, они всеми силами старались прятать их, как могли. В один из последних дней июня Лёха с Инной выехали с работы предпоследним автобусом. До города было целых сорок минут и, утомившись от дневных хлопот, оба задремали, склонив головы друг к другу. Инна, проснувшись от толчка на ухабе, сказала:

– Как я устала сегодня, ты не представляешь. Так много детей было в библиотеке в этот новый заезд, что даже свою «Книжкуну больницу» не оформляла, ни одной книжки не починила. Поедем ко мне? Сегодня мама в ночную, её до утра не будет. А потом тебя разбуду, и мы поедем пораньше на работу. Давай? Я так по тебе соскучилась, ты не представляешь...»

– Конечно поедем. Я тоже очень соскучился. Ин, может в моей квартире и будем жить?»

– Ты что! Мама возненавидит меня. А я её терять не хочу, она у меня одна осталась. Вот жду, когда она гнев на милость сменит. Она же всё мечтает меня замуж выдать за того парня, что в армии служит. Давно с его родственниками дружит. Потому и хочет всем хорошее сделать. А им-то, видать, всё равно. Очень ждёт, когда он вернётся. Олег на меня как-то глаз положил, и ей понравился. А я не знаю, что и делать..Вот будет ребёночек от тебя и пусть тогда сама решает. Знаю, больно мне будет, что маму обижу. Но тебя люблю очень..И малышку хочу. Устала чужое счастье наблюдать, да время своё уходящее считать...»

– А ты знаешь, что сегодня у меня на работе скандальное ЧП произошло?»

– Нет! А что ты натворил? Побил кого из детей?» – Инна выпрямилась в кресле и, широко раскрыв глаза, посмотрела Лёхе в лицо с неподдельным страхом.

– Ты что, дети, да ещё чужие для меня святое! Из Кремля пришёл ответ на мою жалобу по квартире. Я ходил, ходил по всяким профкомам, добивался правды насчёт своей очереди на жильё. Я ведь с завода сюда переведён. А там в цехкоме одна тварь сидит, и квартирную очередь тасует в свою пользу. Ну я не стал его бить, а просто написал в Приёмную Генсека. Так мол и так, прошу разобраться с безобразиями в получении законного жилья. Честно отработал положенное время, не прогульщик, не пьяница, а вот меня почему-то всё время сдвигают назад в очереди. И написал, знаешь, резковато. Даже может быть, грубо. Как не пишут и не говорят чиновникам. Но не ругался. Ты бы видела завуча! Прибежала к Пшеничному вся красная-красная, как помидор переспевший. Оказывается ей, да и ему, позвонили из обкома, потом из завкома, обоих трясли, словно половики. Выясняли, кто я, кем, и как работаю. Давно ли. В общем нагнали жуткого страха на обоих. Представляю, из Приёмной Генсека звонят в обком и требуют отчёта!! В общем, и смех и грех...»

– Да, наделал ты делов, – Инна задумчиво откинула голову на спинку кресла. Что будет теперь?»

– А что.. Думаю ничего..Испугались. И потом ведь я здесь временно, на период отпуска вожатой. Главное, чтобы на заводе очередь продвинулась. Когда дадут квартиру, сразу тебя заберу. Пойдёшь?» – Инна закрыла глаза. Маленькая слезинка выкатилась и побежала вниз

по щеке..Она помолчала и тихо сказала: «Пойду, конечно. Куда я от тебя денусь, мой хороший. Только маму жалко вот. Одна ведь останется..»

– Ладно, Ин! Маленький будет, её сердце растает», – Лёха нежно погладил её по руке, поцеловал в щёку. Благо никого в салоне автобуса уже не было. Домой они уже пришли затемно, когда предвечерний Автоград уже считал первые сны.

Санаторий Автограда в 1980-е гг (фото Интернет)

Один из пионерских корпусов (фото Интернет)

Счастьем скроенные дни...

Вечером Инна собрала скромный ужин из омлета, загодя приготовленного для неё матерью, чёрного чая с печеньем и земляничным вареньем. Лёха не капризничал. Он и сам устал от происходящего, готов был даже вообще ничего не есть, лишь бы скорей упасть на подушку, вручив себя богу сна Морфею.

Подарок Инночки на День рождения (фото автора)

Инна не стала готовить кровать, где спала мать, а попросила Лёху раздвинуть выдавший виды старый диван, предупредив при этом, чтобы он не слишком упражнялся, прикладывая свои силы к ветерану её квартирной жизни. Что и было аккуратно сделано, пока Инна принимала вечерний душ. Потом они поменялись местами, и, когда Лёха страшно довольный после освежившей его водной процедуры вышел из ванной, то обнаружил любимую спящей совсем обнажённой в самой середине ложа.

– Эх, не успела одеться? Или вовсе об этом не подумала?» – Лёха с нежностью смотрел на возлюбленную, сидя на красивом табурете рядом с диваном. При свете ночника черты её тела ещё больше обретали выразительности и женской красоты. «Она в начале своего пути, – размышлял Лёха, – и сейчас нельзя никак её обмануть или подвести, потому, что она любит меня. И потому, что я её люблю, не могу, не хочу бросить, покинуть. Потому, что это будет очень страшно для нас обоих. Я-то знаю, что делать. А вот что делать ей? Как убедить её остаться со мной? Ценой матери? Женская логика ей подсказывает правильно – родим маленького, может мать и простит потом свою единственную дочь, поймёт тогда её материнское чувство».

Глаза его медленно закрывались, и он понял, что пора бы как-то примоститься рядом с любимой, хотя бы на краешке постели. Выбрав минуту, когда она, совсем по-детски чмокнув губами, перевернулась на бочок, Лёха прилёг прямо на край дивана, лицом к ней, и мгновенно заснул, уходя в своё недавнее дальневосточное прошлое..

...Медленно текла утренняя прохлада, а над ней выкатывалось из-за деревьев их сада ещё нежаркое июньское солнце. Он стоял под шатрами листвы вместе с сестрой и братьями, пришедшими в гости. Все шутили, смеялись – он, девятиклассник, недавно взял, подстригся наголо, так же, как когда-то в детстве их, трёх братьев, стриг ручной машинкой отец. Пробовали первые плоды из сада, строили планы сбора урожая. Мама, стройная, весёлая, раздавала яблоки и груши: «Пробуйте, всем хватит, здесь так очень много для вас всех..И провела платочком по губам Лёхи: «Кушай, сынок. Мы с отцом для вас вырастили наш новый сорт груши. Называется «Внучка». Видишь, какая сладкая, круглая».

..Сон оборвался. Инна склонилась над ним, с любовью глядя ему в глаза: «Тебе что-то счастливое снилось?», – в её улыбке скользнуло нечто новое, материнское, и она, увидев слезинку на его щеке, нежно поцеловала её, сняв губами солёную капельку.

– Наш сад снился, мама, братья, сёстры. Их у меня восемь. Три сестры и пять братьев. Они там, на Востоке, а я здесь. Так же как и тебе – грустно».

– Не грусти, я тебя очень-очень люблю, и не знаю, как это объяснить. Готова для тебя сделать всё, что угодно, только скажи, – с этими словами погладила его по щеке, – ты для меня теперь самый главный мужчина. А будет маленький, будет двое самых главных, для которых я буду жить. Мне хочется девочку, дочку, а если будет мальчик, всё равно буду любить сыночка. А тебе кого хочется?»

МИШИН ВЫИГРЫШ...

Подарок Инночки после выигрыша в лотерею (фото автора)

– От тебя хочется всех», – Лёха улыбнулся так нежно, как мог только для неё. Потому, что в них будет твоё продолжение. Ты у меня страшно талантливая женщина. Просто завидую тебе, как удаётся всё это иметь? А ведь ещё ты самая богатая женщина!!»

– Это почему?» – А потому, что у тебя есть маленький, но красивый «дворец» с «золотыми воротами». Стеночки в нём бархатные, нежные. И живёт в нём Ласковая Хозяйка, которая всё время очень ждёт давно любимых гостей».

– Ты о ком это? О какой хозяйке говоришь? Чего-то я не пойму? И причём тут дворец, да ещё с «золотыми воротами»?

– А я тебе и покажу сейчас всё», – Лёха медленно повёл рукой по её стройному красивому животу, спускаясь всё ниже и ниже..

– Каков хитрец! Уж на что я выдумщица, детей услаждаю сказками на работе, а такое впервые слышу, чтобы меня сказками угощали, да ещё и красивыми. Ну а дальше что?»

– А дальше я пойду к ней... в гости. Она ведь ждёт! Или ты не согласна?»

– Конечно ждёт..И я по твоему стройненькому «живчику» страшно соскучилась. Помнишь, когда в походе собирали землянику, я тебя спрашивала, будут ли они пахнуть ягодами? Вот, ты у меня угощался вареньем и свеженьких ягодок пробовал. Теперь мне очень хочется самой проверить, какими они будут, вкусненькими, душистыми или как киселёк простой? Только я с ним сначала тихонько пошептаться хочу. Он у тебя очень понятливый, и как ты, очень послушный. А «щёчки» его красивые так и просятся мне на «съедение»».

С этими словами Инна быстро, мягко перевернулась на ложе, и осторожно прилегла рядом с телом Лёхи так, чтобы «живчик» был прямо перед её глазами. Налюбовавшись на него всласть, она принялась гладить и обхаживать его напрягшееся тельце, пока оно окончательно не вострепелось и не объявилось во весь свой мускулистый рост, показав в глубине красноватой бархатистой одежды круглые румяные «щёчки». Увидев его такую красоту, она расправила, поглаживая пальчиками, её нежные покровы и, как в прошлый раз, плотно окружила своими губами, лаская языком полные «щёчки» и милое, маленькое окошко, в котором вот-вот могли показаться такие желанные для неё гости с земляничным ароматом, которых так долго в жизни ждала. Она медленно гладила, грела «щёчки» языком, продляя себе удовольствие, стараясь не слишком торопить их выхода, потому что они могли потом и не попасть в «золотой дворец» к Ласковой Хозяйке на постоянное жильё.

Инна уже сладко изнемогала от того, что там, внизу, в её «дворце», бурными приливами росли волны бушующей энергии от нежных прикосновений его языка и губ. Они всё глубже и глубже проникали туда, мимо «золотых ворот», где укрытая темнотой, влагой и теплом, обитала Ласковая Хозяйка, дрожащая от нетерпения, когда же придёт главный гость, несущий новых и очень важных для неё постояльцев.

И в самой глубине, под сердцем, уже зарождался бег той самой большой, плещущей сладким содроганием волны, которую никак нельзя было упустить. Она погладила языком «щёчки» ещё раз, загадала возвращение, и, быстро перевернувшись, впустила «живчика» на встречу со своей Ласковой Хозяйкой.

Расслабленная ожиданием, она и представить не могла, что в «золотой дворец» её любимой госпожи сейчас же ураганом ворвётся настоящий великан, несущий невиданные по силе сладостные волны, от которых «бархатные» стеночки исходили такой страстью, что вовсе не могли остановиться, сжимаясь и разжимаясь под напором его сильного мускулистого тела, пока он входил и возвращался к ним.

Возвращался и выходил снова, готовя Ласковой Хозяйке свой давно обещанный подарок. И когда изнемогающие стены её нежного жилища задрожали в последнем, отчаянном порыве счастья, на них обрушились настоящие потоки очаровательных, долгожданных гостей, впитавших яркий земляничный дух леса.

Она это почувствовала, узнала по горячим волнам, лившимся на стены её «дворца» и подождав, когда они почти прекратились, быстро придвинулась к нему, страстно обняла «щёчки» губами, стараясь не упустить того главного, сладкого момента, когда оставшиеся гости stanут, торопясь, выходить из него.

И дождалась своей земляничной радости, когда из «дверцы» на её губы выбежали последние потоки долгожданных маленьких посетителей, превратившихся в жильцов, которых она принимала с наслаждением. Язык купался в бесчисленных капельках ягодной жидкости, а она просила ещё и ещё, словно это был волшебный напиток богини лесов Дианы, которого она так долго ждала, и теперь наслаждалась, чтобы изменить весь свой мир...

Влюбленные несколько мгновений лежали неподвижно и молча, погружённые в сладкую дрему, снова и снова проживая испытанные счастливые минуты близости. Первой шевельнулась Инна, и всё ещё не веря, что природные хранилища «живчика» уже пусты, снова и снова жадно прикладывалась к нему в надежде опять испытать счастье по приёму гостей. Но его мягкие одежды уже скрыли всякие следы их присутствия, да и он, став невесомо-нежным, уже не был тем упругим, мускулистым, как несколько минут назад.

Лёха развернулся к ней лицом и положил Инну на свою руку.

– Это было здорово. Она у тебя потрясающая Хозяйка. Точно Ласковая очень, и даже чуточку нескромная. В один момент так хорошо почувствовалось, что мы с ней там встретились...»

– Конечно, у тебя не только «живчик» могучий, но и язык. Такой упругий, что когда он её точно достал, разок прикоснулся, у меня всё-всё не то что задрожало, просто рухнуло, а сердце вообще куда-то покатилося вниз страшно...»

– Это не язык большой, а домик твой прекрасный, маленький, аккуратный. Всё близко и на виду...»

– Это плохо? Я не биолог, не врач, а ты всё таки анатомию в университете хорошо изучал. Да?»

– Да, изучал. Но у тебя всё красиво, и всё в норме. Только маленькое. Как раз такое люблю. Обрамление изящное, золотое.»

– Ага, так уж и золотое. Ты выходит и другие разные видел, раз сравниваешь? Ах,...»

– Нет, же. Я по жизни ничего большого и огромного терпеть не могу. Меня это пугает. И отвращает от восприятия.»

– Ну, ну, я пошутила. А ты и впрямь мгновенно загораешься, как и я. Вас двое, а я одна. Пока...»

– Это кто двое?» – Так ты и «живчик» твой. Вас коснись только, вы уж и готовенькие стоите. То ли в защите, то ли в нападении...» -при этих словах Инна тронула пальчиками «живчика» и ласково поиграла им, наклоняя в разные стороны.

– Он у тебя сейчас точно, как ванька-встанька. Игрушечка мякенькая, симпатичная, так и хочется мне его... всяко поласкать. Можно?» И, не дожидаясь ответа, она снова жадно окружила губами «живчика», пытаясь что-то получить у него ещё. Но уже через несколько минут, лишь насладившись ощущением живого трепета у себя на губах, успокоенная вернулась к Лёхе на руку.

– А когда они снова будут ими полные?» – глянула пытливо снизу вверх на него Инна, продолжая нежно и ласково перебирать пальчиками, словно массируя, его природные хранилища личных сокровищ. – Они такие пухленькие, мне даже сейчас не верится, что там было их очень много. А реально, сколько их там бывает? Наверное, целые миллионы..Я тебе их сейчас надёжно «заколдую» на очень быстрое рождение и прибывание». – С этими словами она стала шуточно на них дуть и целовать, приговаривая какие-то свои смешные, с лёту придуманные слова. И в завершение своего минутного, женского «колдовства», жалея, что они такие нежные

и могут озябнуть, опять же без спросу, подержала каждое у себя на языке, пытаюсь согреть, не зная, что им вовсе не нужно тепла.

Лёхе были очень приятны её игривые манипуляции с его имуществом, и ему почему-то подумалось, что она действительно готова даже на самое несусветное, лишь бы не остаться в жизни одной, как мать. Не повторить её печальной истории, имея рядом надёжное плечо любимого...

– Если постараться не тормозить его очень часто, то на день третий-четвёртый он как раз для страсти будет полнэхонек».

– Не хочется сейчас их упускать. У меня теперь сроки самые лучшие, подходящие. Хочу быстрее. Чтобы он родился весенний, а не по осени мученик, как я. Ты понимаешь, о чём говорю? Лето такое короткое...»

– Конечно. Думаешь, глупый я, что ли? Всё у нас с тобой будет, Инночка..не переживай..И другие недели подойдут. Всё успеем..»

– Мне так нравится, что зовёшь этим именем. Непривычно. Никто не называл до этого. Ты – первый..»

– Правда? – Правда, правда. Даже отец не называл. А он, по моему, меня больше мамы любил. От него многие качества и передались. Рисую, вырезаю по дереву, сейчас кружева плести буду. Но он кружева не плёл, это я сама себе забаву от скуки нашла. Всё интерес какой-никакой. Да, может и денег заработаю. Хорошие кружева знаешь сколько стоят?»

– Нет, то мне совсем неведомо».

– Да уж и ночь прошла..А мы на что её всю потратили?..Скоро светать начнёт, а мы так и не выпались».

– Зато душу отвели..Давай, действительно, хотя бы под утро часок поспим. И они улеглись, обнявшись...»

Будильник задрезжал долго и нудно. Инна первая открыла заспанные глаза – через час должна была прийти с работы мама.

Она быстро вскочила с ложа, где раскинув руки, безмятежно посапывал Лёха, и легко потрясла его за плечо. Он лишь дёрнулся и повернулся на другой бок. Тогда Инна просто шепнула: «Скоро придёт мама» – эти слова заставили любимого вскочить, как ошпаренного. Через полчаса быстрый душ, короткий завтрак были уже позади. Они встречали прохладное утро по пути на остановку. Народу на этот автобус было немного, и они успели занять задние места, подальше от завистливых глаз сплетников.

Лёхе предстояли мучительные игровые мероприятия, мелкий контроль за детьми, уроки, которые он должен был проводить по расписанию. Правда они были короткими, но числились как и все прочие дела, настоящими. Да и настырная завуч могла нагреть неожиданно с проверкой. Это уже было не раз здесь испытано. Прошло два страшно тяжёлых своими весельями дня.

Между делами Лёха решил освежить радиокомнату. Завуч явив свой начальственный пыл, потребовала её работы. «Санаторию нужен свой радиоузел. А у нас здесь вообще что? Комната есть, а не работает!» – торжествующе высказывала своё недовольство Лёхе.

– Так там всё готово, – возразил он. – Вот и займитесь. Детей подберите, музыку. Только чтобы не в ущерб ничему. Ясно вам?» И, гордая своей решимостью навести хоть какой-то свой порядок, она медленно пошла по коридору, играя бёдрами, докладывая главврачу о сделанных ею мероприятиях и распоряжениях.

Весь третий день Лёха, как угорелый, носился по санаторию, его окрестностям в погоне за нужными людьми: электриками, радиомонтажниками и прочим нужным народом.

К вечеру всё было готово. Но санаторий уже почти спал. Персонал потянулся к выходу, и только Лёха с Инной выжидали своего часа, чтобы уединиться в новой обстановке. Она

пришла в радиорубку, когда в здании уже практически никого не осталось. Лишь вахтёр, тихо позвякивая ключами, задумчиво слонялся у главного выхода.

– Да, теперь ты тут надолго пропишешься, – слегка улыбаясь, проговорила Инна. Не знаю как ты, а я бы ни за какие коврижки не согласилась и тут, и там работать. На два кабинета...»

– А я как Фигаро у завуча. И здесь, и там, и везде должен быть по её мнению. Работа такая, жоатская... Да ещё все уроки надо вести..Детвора вообще учёбу забросила из-за процедур. Думают, раз сюда попали, так только лечиться и надо..»

– Смотри, какое красивое кресло я выцыганил у трудовиков. Мяконькое, большое. Ты, любимая, будешь в нём сидеть, а я на тебя смотреть..»

– А как ты у них выпросил такое сокровище? У них же и снега зимой не добудешь, а тут..Давай признавайся, как ты их купил?»

– Как? Да людскими пороками. За поллитровку что хочешь сделают. Агуреев, мастер! Знаешь такого? Он мне пообещал окно отремонтировать, чтобы комаров вообще здесь не было. Видишь, тут вся рама сгнила, а Пшеничный в отказ пошёл, мне говорит, денег совсем не дают на мелкий ремонт. А сквозняки дуют..Как думаешь, сговорю я его? Ну, в смысле согласится?»

– Да, он дядечка сговорчивый. Мне в прошлом году столик в библиотеке сделал. Красиво отреставрировал. Теперь смотрится хорошо. Все стулья в читалке моей починил. А ты вот меня саму взял и всю-всю так классно «отремонтировал»! Замечательно... «Хозяюшка» поёт каждый день нежно». Инна подошла к Лёхе, ласково погладила по щеке...

Подарок Инночке на День лета (фото автора)

– Когда мы с тобой ещё увидимся? Скучаю уже..по Нему...»

– А позавчера не считается? – Лёха положил ей руки на плечи, приблизился к лицу, впитывая солнышки серых глаз.

– Позавчера уже прошло», – Инна обняла его, положив голову на грудь. – Наверное, я сумасшедшая. Всё время думаю только о тебе и маленьком. Представляю, каким он будет. Если мальчик, точно назову твоим именем. Обязательно. Чтобы он всегда-всегда был со мной»

– А если девочка? Как назовём?»

– Уж точно не Инна. Тогда и придумаю что-нибудь самое интересное. В эти минутки сотворим, потом и придумаем, – у неё загорелись глаза, она присела в кресло, призывно посмотрела на Лёху, – у меня сейчас то самое время..Ты понял? Закрой дверь и окно занавесь..А то с улицы мы видны как на ладошке..».

– Понял..» – пока Лёха возился с упрямыми занавесками, Инна освежила лицо в умывальнике, присела в новообретённое мягкое кресло.

– Иди ко мне, – её тихому голосу нельзя было отказать, – моя Хозяюшка просится на встречу». Лёха медленно подошёл, встал на колени перед креслом, положил голову на её колени. Они пахли книгами и тем, что принадлежало только ей – дамскими духами, помадой и ещё чем-то непостижимым, чего он не знал.

– Нет, не кланяйся, хочу видеть тебя стоя, полностью. И его. И руками не шевели, я сама..хочу попробовать твоего нового ароматного киселька. Мне очень понравилось, когда он его так щедро отдаёт..Здорово..Кап-кап-кап, и они уже мои..Навсегда. А тебе, миленький, их отдарю попозже, и с радостью..Только в другом, замечательном и красивом виде..Понимаешь...?»

Она снимала с него одежду медленно, с каким-то трепетом, и Лёха хорошо понимал, что это было теперь её властью над ними обоими. Властью любящей хозяйки над слугой, пленившим своими прелестями, духовными и телесными. Он закрыл глаза, чтобы взглядом не смущать священнодействий над его самой прекрасной, упругой частью тела.

– Ты у меня молодец, трудился, и он весь в тебя, послушник, намаялся в ожидании за весь этот день. Сейчас я его развеселю, и настроение нам подниму, раз он у меня тут, мягонький, под руками. Ох, как быстро большой вырос, весь в своего Хозяина».

Сначала Инна заботливо расправила на нём складочки, а потом, закрыв от удовольствия глаза, глубоко, бережно спрятала его за своими горячими губами. Лёхин живот внизу бросило в жар, потом в неопишную дрожь, когда её язык стал нежно гладить пухлые щёчки «живчика», а при этом его кладовые только что сотворённых природных сокровищ напряглись в жаркой истоме, готовые отдать их по первому зову. Язычок остановился и Лёха услышал её тихий просящий голос: «А теперь отправим их на свидание. Приласкай её, она там очень соскучилась и просится к твоим губам».

Инночка развернулась, встала коленями на кресле, и горячему взору Лёхи предстали её «Золотые Ворота», с узорами, которые могла сотворить только сама природа. Складочки с витиеватыми рисунками, напряглись, слегка колыхаясь. Их жаркое дыхание, кажется, услышал и «живчик», готовый встретиться с Ласковой Хозяйкой, чтобы немедленно отдать ей давно желанные подарки.

Золотисто-рубиновые гребешки «Ворот», почувствовав на себе касание горячих лёхинных губ, раскрылись ещё больше в своём неслышном, прекрасном трепете, спеша приблизить те самые мгновения, от которых «бархатные» складочки нежных стен «дворца» Ласковой Хозяйки стали сжиматься и разжиматься в ожидании самой мощной, главной волны наслаждения, которую могло принести только упругое и сильное тельце «живчика».

– Она ждёт, – слегка застонав, шептала, качаясь на коленях Инна, её спина, тело дрожали, – там целое озеро сладкого, отдай его «живчику».

– Озеро мне, – шепнул громко Лёха, погружаясь губами всё глубже и глубже в глубину покоев Хозяйки, черпая языком её несравненный, пьянящий его сознание, «киселёк». Неожиданно бурная волна прокатилась по всему «дворцу». Это лёхин язык прикоснулся к тельцу Хозяйки, ждавшей своего желанного Гостя и тотчас затрепетавшей от невиданной ласки. Когда Гость наконец, появился перед Хозяйкой, Инна тихо и сладко застонала, по её горячему телу прокатилась долгая дрожь удовольствия.

В озере прелестного «дворца» «живчик» нырял, купался с почти безумной радостью, «бархатные» складочки становились всё теснее, теснее, и Инне всё труднее удавалось сдерживать, чтобы из груди не вырвался этот громкий звук страсти. Но, наконец «живчик» добрался до тельца своей Хозяйки, и сильным завершающим движением, больше похожим на поклон, отдал ей почти все свои сокровища, хранившиеся в его двух упругих симпатичных кладовках.

Инна сразу почувствовала это по сильным горячим потокам, в которые погрузились складки «бархатных» стен «дворца», и, когда «живчик» приостановился, решив перевести дух, выпустила его наружу. Ей страстно захотелось в очередной раз испытать ликующие мгновения встречи таких желанных гостей с Хозяйкой «дворца» представив себя на её месте. Обернувшись к нему лицом, нетерпеливо окружила своими губами разгорячённые «щёчки» мускулистого волшебника чувств, и тут же почувствовала почти воздушное движение ароматной влаги на кончике языка – «живчик» не жалея сил отдавал своей Госпоже всё, до последней капли, что сотворил и сохранил за эти долгожданные дни в своих чудных хранилищах.

Обессиленная, она прилегла на спинку, упавшую под весом её стройного тела – кресло оказалось раскладным и длинным.

– Эх, мастеровые, – только и успел сказать Лёха, – не могли предупредить, что его можно даже кроватью сделать..»

– Ах, ты всё смеёшься тут, – Инна лежала с полузакрытыми глазами, с трудом переводя дыхание, – а мне было теперь так здорово, как никогда не знала до этого. И сейчас же загадаю то, что хотела. В этот раз Она вела себя как-то интересно, ну совсем необычно. Или ты её чем «уговорил» или она перестала нам сопротивляться, сдавшись на милость победителей.. Внутри было всё так сладко, так хорошо... А она для нас словно пела, ну просто изумительно.. Я будто вся-вся на облаках, лечу в безвоздушном пространстве.. Ложись быстренько со мною рядышком, опять хочу тебя почувствовать соучастником..»

– Соучастником чего?

– Моего счастья. Такое точно не повторится, потому что это нереально. Теперь буду считать дни. И если загадала правильно... то ты вскоре можешь считать себя... отцом..»

– Давай, загадаем. Ну, ты не колдунья. Просто физиология».

– Будет потрясающе. Чудо совершилось..И где? Скажи кому, не поверят..Обсмеют просто..»

– От места не зависит. Тут много всяких моментов». Лёха не успел досказать, как услышал лёгкое дыхание под ухом. Инна уже спала как ребёнок, спокойно и безмятежно, потратив все свои силы. Он прикрыл её обнажённые ноги своим пиджаком, чтобы они быстрее согрелись – из окна сочилась вечерняя прохлада, и тоже решил немного поспать. До последнего автобуса оставался всего час.

Это - Миша...

Подарок Инночки к будущему снегу.. (фото автора)

Домой они доехали уже в полной темноте. Инна увидела в окне свет: «Мама уже пришла с работы. Вот удивится, что появилась так поздно. Я же всегда прихожу раньше её. Давай я тебя поцелую, миленький мой и радостный. До завтра. Люблю тебя очень-очень!».

На следующий день Лёха почему-то не увидел знакомой фигурки на остановке. Недоумевая, он пропустил очередной автобус и сел лишь на третий. Всю дорогу он мучился мыслями: «Что же с ней произошло? Может заболела? Или случилось что-то другое?» Но так и не нашёл никакого ответа на свои вопросы.

Проходя по коридору к своему «пионерскому» кабинету, сразу услышал за спиной шепоток: «Пионерчик-то наш сегодня без крали своей заявился. Видать, разбежались уже». Оглянувшись на голос, увидел ухмыляющуюся старшую медсестру со своей подругой, стоявших у окна вестибюля и смотревших на него. Рассердившись из-за непонятной ситуации с Инной, чего он так никогда не делал, Лёха, неожиданно для себя, пошёл прямо на них и стальным, нордическим голосом викинга, глядя поверх голов, рыкнул: «Языками треплете? Своих проблем мало? Вот доложу главному, как вы пациентов обкрадываете, получите от него пинка под зад..», – и довольный, что сбросил плохую энергию, зашёл в свой кабинет. Он не видел, как тут же побелели от страха лица женщин, но по юркому шуршанию ног, разбежавшихся по кабинетам медичек, понял, что его угроза достигла цели.

Действительно, им было чего опасаться. На отделения всегда выписывалось много расходных материалов: мыла, простыней, масел для массажа. И Лёха, однажды, случайно стал свидетелем сговора воришек. Они этого не знали, а он сейчас им напомнил.

В кабинете копался с бумагами, и через каждые четверть часа осторожно постукивал в боковую стену, за которой, как обычно, в библиотеке сидела Инна. Но там было тихо. И только через два часа, когда пришло время обеда, она появилась наконец перед его глазами.

– Это всё ты виноват», – посмеялась в ответ на его приветствие Инна. Поцеловав его, улыбаясь, сообщила, что после такого замечательного события она капитально проспала, да и вовсе забыла, что в этот день всегда появлялась в библиотечном коллекторе, чтобы познакомиться с книжными новинками, а заодно сделать заказы учебников и литературы для своей библиотеки на новый учебный год.

– Так что я совсем не виновата, и сделала всё как надо. Везде успела, ещё и отдохнула как следует».

– Давай в воскресенье ходим на берег, у воды отдохнём, – предложил Лёха. – Но купаться не будем, – продолжила она, – просто подышим воздухом. Давно у реки не была. Уж и забыла, как она и выглядит-то. И день рождения твой отметим. Ты же помню, летний мальчик..Или сочинял? Нет?»

– Правда твоя, летом родился. Мама рассказывала, тогда очень жарко было, и я чуть-чуть не заболел воспалением лёгких. Боялась за меня очень..Передо мной за полгода умер мой братик Димочка. Мама о нём не рассказывала, но было видно, что очень тяжело пережила это горе. Старшая сестра Таня мне потом потихоньку рассказывала, как её спасала от такой потери. Этот сынок был самым любимым – весь похож на неё, беленький, спокойный, ласковый. Ему и пяти лет не исполнилось, как беда совершилась – голодный был, на прогулке захотел покушать, поел каких-то ягод, ну и отравился. В больнице не смогли спасти, потому что поздно привезли. В общем, очень грустная история».

– Ладно, милый, не тоскуй по прошлому, я ведь с тобой, и знаю, что навсегда. А ты как думаешь? Мы с тобой навсегда?» – привстав на цыпочки заглянула ему в глаза близко-близко. Лёха увидел там свою ласковую вечную надежду..

Она собрала чайную посуду и вышла её ополоснуть. Он задумался о воскресенье. Когда Инна вернулась Лёха предложил: «На берегу, куда детей водят купаться, есть несколько крытых веранд. Выберем одну из них, которая подальше, присядем на свежем воздухе. Там никто не помешает. Прихватим с собой перекусить, попить..».

– Здорово придумал. Я плюшечек или печенек напеку на этот день. Давно не пробовала. А ты чего хотел бы? Вареница твоего любимого прихвачу. Будет пир на весь берег..Лишь бы дождя не было. А то весь день нам поломаёт..»

Лёха обнял её нежно руками за спину, и так они стояли, обнявшись, пока в дверь библиотеки осторожно не постучали.

– Войдите!» – Инна пошла навстречу детям, чтобы заняться выдачей книг, а Лёха вернулся в свой маленький «пионерский» кабинет..Завтра начинался июль, и новый заезд детей для лечения. Предстояла трудная работа..

Воскресное июльское утро манило своей свежестью и ясным солнцем, обещая на весь день прекрасную погоду. С первыми его лучами Лёха стоял возле дома Инны. Он не пошёл на остановку, не тот был случай. Теперь он жил в ней, а она в нём. Оставалась одна малость, и в ней крылась главная проблема – их совместная жизнь.

Инна никак не хотела уходить от матери, опасаясь её гнева и пожизненной ссоры. И Лёха понимал, что им обоим надо дать время, чтобы подумать о счастье на своих берегах..

Хлопнула дверь подъезда, Инна, немножечко заспанная, но страшно довольная подошла к нему: «Ты чего на остановку не пошёл? Тут мама в окно могла увидеть. Потом меня вопросами засыплет. Лёха и здесь нашёлся: «Всё просчитано. Я под деревом стоял, листва большая и сверху ничего не видать, даже если вглядываться».

– Какой рациональный мне попался, а!, – радость плескалась во всей её душе, светилась лучиками в огромных серых глазах. В её жизни начиналась ослепительно белая полоса.

– Ты меня заражаешь своим оптимизмом и радостью, – Лёха приобнял любимую за плечи, – с тобой так хорошо, что мне больше ничегошеньки и не надо.

– Автобусы сегодня к нам идут попозже, мы чего-то раненько вышли, – заметила Инна, – придётся подождать.

– Ну, всего ничего, минут пятнадцать. А это не время».

Через двадцать минут они уже ехали отдыхать на берег. Народу в автобусе было немного, и все чужие. Влюблённые спокойно расположились сзади в глубоких креслах и принялись фантазировать насчёт будущего отдыха.

Добравшись до места, без проблем нашли пустую веранду со столиком под выцветшим дощатым навесом и видом на Волгу. Сзади шелестел хвойными кронами сосновый лес, посаженный ещё по указу царя Петра, а впереди бесконечные волны упорно бились о галечный берег, оставляя на камнях пену..

– Сколько работаю здесь, в санатории, ни разу не видела такой прелести, – вздохнула с нескрываемой радостью Инна. Вот что я за человек! Здесь такая красота пропадает, а у меня и мыслей никаких, чтоб её запечатлеть на полотне.

– Так повода не было, – подумал вслух Лёха, – теперь как раз есть, снова сюда придём и напишешь настоящее полотно для души.

– Когда ещё это будет, – вздохнула Инна, – проблем так много, что не знаешь какие первыми разгрести. Вчера с мамой опять разговор был не очень-то и приятный. Она видать что-то чувствует, по мне это увидела. Её же нипочём не обманешь. Спрашивает за ужином: «Ты чего вся светишься? Появился кто? А то вот на днях Олег прислал письмо, спрашивает меня, Инна ждёт или хахаль какой на горизонте появился? Не пишешь ему ни строчки. Молчишь... Хотя бы меня чуть-чуть пожалела. Кто тебя замуж-то отдавать будет?».

Инна стала разливать чай из термоса. Руки слегка дрожали. Лёха разложил на столике обещанные плюшки, печенье.

– Инночка, я же говорю, что мама примет твоё решение обязательно, когда узнает, что у нас будет маленький. Она же всё-таки, наверное, счастья тебе хочет.

– Она счастья для себя хочет, всё кому-то удружить старается. А всё ради чего? Чтобы добренькой, да хорошей быть для кого-то.

– Инночка, малосемейку я получил, соседи хорошие, мирные. Правда иногда к ним деревенские родичи приезжают, так то ред-ко. Мне повезло. Комната большая, светлая, даже балкон есть. На солнечной стороне. Не переживай. Очередь на квартиру у нас не сильно-то и большая. Тем более, что уже слух пошёл среди профсоюзных – со мной все заводские связываться

уже боятся, вдруг жаловаться снова начну. И увидишь, отделаются от меня – дадут квартиру. Хоть однокомнатную, но возьму. Согласиться?

– Ты вот, молодец, уже всё расписал на будущее. А мне как быть?

– Так я же с тобой буду..Проживём..Люблю тебя очень..

– И я тебя очень люблю. Только отчего-то страшно мне. Холод какой-то внутри сидит и дышать не даёт. Ты меня не бросишь?

Лёха обнял её. Прижал к себе. Поцеловал в глаза.

– Чтобы больше таких вопросов не было, Инночка. Понятно? Может в тебе мои гости уже всюю прижились, а ты мне такие речи при этой красоте говоришь. Не надо о плохом. Мы сюда для надежды пришли, о хорошем будущем говорить..Давай я тебя согрею, а то ветерок что-то из лесу прохладный повеял». Лёха ещё плотнее обнял её, укрыл со спины курткой.

– Мне вот массовик наш предложил участвовать в конкурсе «Лейся песня» для учителей, и я теперь не знаю, что ей сказать. В понедельник уже должен дать ответ. Она репетиции собиралась назначить, если буду петь. Ты как считаешь, надо соглашаться или нет? Не пел никогда перед публикой, не представлял себе это никак. Дома на праздниках что-то изображал. А тут не у себя. Это на людях надо уметь делать. И со слухом музыкальным у меня прямо беда.

– Ну если она тебя подготовит, то соглашайся. Она плохо не делает. Знаю по детям, как они замечательно выступают всегда. И слушать приятно. Если согласишься петь, сяду в первом ряду, буду тебя поддерживать, переживать за тебя. Голос твой поющий послушаю. Он у тебя и так красивый по тембру, а в песне ещё никогда не слышала. Так что любимый, соглашайся, сделай мне и тут приятное.

– Хорошо. Ты меня просто радуешь. Мои сомнения всякие рассеиваешь. Представляю, какое удивлённое лицо будет у нашей массовички. Она мне предлагала и уже не надеется, как я понял..

– А теперь я тебе о своих братьях старших расскажу. Они у меня очень разные, и все любимые. Никого не могу выделить обидно. И самый лучший – Володя. Такой упорный, дотошный. Отец купил ему сапоги, но сказал: «Носить будешь только в мокрую погоду». И повесил на гвоздь. Так Володя ему и сказал: «Тогда сам и носи!». Взял и ушёл из дома совсем на казённые харчи в полувоенную школу железнодорожников. Выучился. Стал инженером. Женился, потом дети у него пошли. Упрямый был. Ничего не боялся. Да ещё и талантливый изобретатель получился.

– Да, тебе хорошо. Много братьев, сестёр. А у меня одна мама и та упрямая какая до смерти. Просто жуть...

– Так ты тоже в неё. Настойчивая..

– Да... Мне так хорошо с тобой сейчас. И всегда. Никогда бы от тебя не отрывалась. Такой горячий, как печка. Шубы никакой не надо. А когда Он во мне гостит, сразу жарко-жарко становится и всего сразу очень хочется... Это ты его так воспитал? Или он по природе такой?

– Чего не знаю, того не ведаю, – Лёха ещё нежнее прижал к себе Инну, – видно наследие предков чувствуется. Я по архивам проследил, они такой разной крови..Мама из Беларуси, отец или поляк или украинец, кто из них, так и не дознался. Прадед родом из Сибири. Вот он и наградил хорошими генами. Очень рад, что мои гости во множестве к тебе забежали, и теперь много чего приятного передадут от моих предков.

– Господи, как же я тебя люблю, миленький ты мой. Для тебя хоть кого готова на свет явить, лишь бы ты со мной был и любил.

– Люблю тебя. Нам здесь так хорошо: солнце, шумят волны, лес в спину сосновой хвоей приятно дышит. Нам это место надо застолбить, и всегда ходить сюда отдыхать от тягостей земных...».

Пока он тихо говорил, Инна, пригревшись у него на груди, тихо заснула, и Лёха, боясь её разбудить, сидел неподвижно, даже когда стали затекать руки и ноги от неудобного положения.

Радость отдыха нарушил ошалевший от жары толстенный комар, взявшийся неизвестно откуда, и попытавшийся сесть на лицо Инны. Лёхе пришлось его сдуть. Глаза Инны открылись и она радостно сообщила: «А я сон видела. Ты меня так здорово согрел, что и не заметила, как заснула. Там, во сне, я была не одна. У роддома меня встречаешь, несущую малышку нашу, а личика её не видно. Мне её отдали, и тут ты подходишь, спрашиваешь: „Кто там на руках у тебя?“ А я и не знаю, просыпаюсь от щекожного».

– Это комар пытался укусить, кровушки твоей попить. Но я спас от него, и потому ты проснулась..

– Так хорошо здесь..! Век бы тут сидела..Но уж солнце ушло, и время подступает вечернее. Давай собираться обратно.»

Через час они уже были возле дома Инны и расцеловавшись, договорились на работе побеседовать ещё. Входная дверь подъезда захлопнулась за его любимой, и Лёха снова остался один на один со своими грустными мыслями.

В понедельник весь санаторий гудел, как пчелиный улей. С утра объявили о завтрашнем празднике Песни и все занятия максимально сократили для быстрого прохождения процедур. Массовик Людмила Мамонтова с утра занималась с учителями в игровой-пионерской, готовя репертуар. Лёха принял её идею петь, и она предложила ему песню Мартынова «Мамины глаза». Послушав его несколько раз с музыкой и без неё, она сокрушённо покачала красивой головой и вздохнула: «Надо тренироваться. Со слухом у вас точно плохо. Придётся сегодня раза три-четыре пропеть и думаю, всё сделаете как надо. Чувство такта у вас есть, а ноты подгоним. Я помогу. Всё будет нормально».

Успокоенный таким поворотом дела, Лёха тут же направился к Инне в библиотеку, чтобы обрадовать любимую.

Её глаза засияли: «Я знала, что у тебя много талантов, но чтоб и петь..»

– Я ещё не запел, ты уже меня хвалишь, – засмутился Лёха, – вот сотворю песню на концерте, тогда и будет видно».

– Так я уже сейчас знаю, что ты споёшь. – Это почему?, – брови Лёхи слегка приподнялись. – Да потому, что я там буду сидеть на первом ряду, и попробуй мне спеть не так..В её глазах снова затаился, заиграл бесёнок, а паутинки-сеточки у её висков опять зазывали к себе, пробуждая в Лёхе вдохновение. Он обнял Инну, прошептал ей на ухо: «Для тебя уж точно спою, как не знаю кто».

Суматошный день уже клонился к закату и они решили уехать пораньше, чтобы их никто не мог видеть вместе. В автобусе нашли свободные места, и успокоенные своими надеждами, задремали.

Назавтра концертный день как-то не задался сразу. Инночка почему-то проспала, на остановку не пришла, и Лёха, нервничая, уехал один. На работе царила суматоха. Оказалось, что на концерт приедут большие начальники, и главврач, весь белый, как халат, от страха за возможный крупный нагоняй неизвестно за что, бегал по всему санаторию, раздавая бестолковые распоряжения.

Но время шло, в санаторий что-то никто не ехал, и постепенно все успокоились. В назначенное время актёрский зал заполнился и представление началось. Сначала выступили дети со своими песенками о счастливом лете, потом на конкурс по надуванию шариков выбежали медсёстры в своих выразительно-коротких халатиках, при виде которых лицо главврача изменилось так, что он несколько раз довольно нервно облизнул губы.

Массовик Людмила подождала, пока все медички, страшно розовые от волнения за красоту своих ног под халатами, освободили сцену, и объявила лёхин номер. Вдруг зал затих, удивлённый тем, что Лёха-учитель сейчас будет петь. Сидевшие сотрудники, медсёстры, никак не предполагали, что симпатичный пионервожатый, в нервных пересудах о котором практически все местные дамы, неистовствуя, намозолили свои языки, вдруг согласится петь.

Лёха набрал в грудь побольше воздуха и вышел на середину сцены. Музыкантша договорилась с ним начать песню по её первому аккорду. И когда она стала очень терпеливо перебирать клавиши инструмента, Лёха начал петь. Ему показалось это совсем нетрудно, но судя по тому, как Людмила-массовик ловила ноты, ей было не до смеха. Песня летела куплет за куплетом, Лёха старался не фальшивить, и у него это получалось. Только в одном месте он потопился и «убежал» от музыки. Но «грехи» ловко исправила аккордами музыкантша, а притихший зал этого не заметил, и сидел, словно очарованный. Лёха узнал об этом попозже, когда Людмила благодарила его за номер.

– У нас врачи-мужчины такие ленивые, жуть. Никого и никак не уговоришь. Спасибо вам. Нашу атмосферу разрядили. А то уж чего только не наслышалась от завуча и главврача...

Инна, радостная и очень довольная его выступлением, чтобы не привлекать всеобщего внимания, не стала подходить к Лёхе, вышла со всеми в коридор и пошла к себе в библиотеку. А он занялся с детьми уборкой картин, декораций, да и вообще как-то сразу перестал думать о своём выступлении. Его занимала новая мысль – куда бы ещё пригласить Инну на прогулку.

Его беспокоили настроения в её душе. И если в ней теперь действительно произошло то, чего она так ожидала, нужно было любой ценой сделать всё, чтобы она была спокойна. Лёха решил снова сходить с любимой в лес. Теперь уже просто на прогулку.

А на следующий день его ожидания подтвердились. И даже больше того, Инна сама стала проситься побывать на свежем воздухе. В ней «играло» настроение, как она сама порою говорила. Поселившаяся в её аккуратной головке мысль не давала ей покоя до тех пор, пока она её не исполняла или не выпроваживала, как ненужную гостью.

Лёха ещё не закончил составление планов на неделю, как Инна войдя, по родившемуся у неё обычаю, без стука в дверь, подошла к нему и радостно-жарко зашептала на ухо: «Хочу в лес..И чем скорее, тем лучше.. Ты готов?».

– Так я всегда для тебя готов, – также заговорщически, но погромче, прошептал Лёха.

Уже через несколько минут, используя запасной выход, чтобы никто не заметил, они оказались в лесу.

– Ты вообще не представляешь, как я устала от всего, – Инна склонила голову, рассматривая порыжевшие иглы хвойного ковра, мягко пружинившего под ногами, – дела библиотечные такие нудные. Когда тебя не было, всё так просто казалось. И ничего не было постылым. А теперь, другая жизнь совсем. И чем-то раздражает..Вот сейчас хочу на сене свежем полежать... Вспомнила, когда в деревню ездила, у бабушки был большущий сарай, а там сеновал с душистой травой. На ней так сладко спится даже в самый жаркий день».

– А я на чердаке дома спал. Под дождём, – вспомнил Лёха, – бывало залезу под крышу дома, там старых книг множество братья складывали. Да отец паклю хранил для утепления окон. Как устану книги читать, на этой пакле прямо засыпал. Особенно, когда дождь начинался. Шуршит по крыше мелко-мелко, и сон, бац, сразу грузит в облака. Тут, кстати, видел копны сена, они на опушке, идти туда вдоль дороги минут десять. Недолго. Пошли?».

– Какой ты внимательный. Я бы вообще нипочём не запомнила, где, какие тут ещё копны сена стоят..

– Так я в кружке спортивного ориентирования в университете занимался. Меня туда наш факультетский тренер по лыжам записал, Владимир Иванович Голубь. Смешной такой, но строгий. Как-то раз он увидел, как на лыжах бегаю, к себе в секцию пригласил. А потом на соревнования вывез в глухое село. Там вокруг тайга дикая, сосны в три обхвата. Только что медведей не было. Бежал я в команде биологического факультета против физкультурников. Они парни крепкие, спортсмены, но, скажу так, недалёкие. Бегали хорошо, но карту ориентирования читать не умели, потому и проиграли мне по всем её баллам. Понатыкали на ней флажков, побежали прямо через лес. А это большие штрафы по очкам. Ну я и занял почётное первое место. Тренер был страшно доволен. Никто до меня физкультурников так не обижал».

Лёха всё говорил, замечая краем глаза, как Инна слушала его, медленно, осторожно шагая по опавшей хвое, крутила зелёную веточку, и на лице её играла какая-то новая улыбка-мысль.

Наконец, сосновый бор с ароматами хвои закончился, и среди берёз, на опушке леса завиднелись копны свежего сена, недавно накошенного колхозниками местного молочного хозяйства.

– А вот и наш сеновал, – Лёха удовлетворённо хмыкнул, обходя небольшие стога с ароматной травой, – сено классное: клевер, мятлик, овсяница, горец птичий.

– А ты что, в сене разбираешься?, – брови Инны метнулись домиками вверх.

– А чего тут разбираться. Травы знакомые.. Я у дяди на заимке в тайге такие косил для лошадей лесничества. Он только такую и требовал косить. Другие запрещал».

– Ты у меня во всём знаток. Где только не перебивал..Мне так хорошо. А где мы устроимся отдохнуть? Есть очень хочу, попить..»

– Сейчас одну копёшку подроём, норку сделаем, туда внутрь залезем. Хочешь? Там очень тихо будет среди травы».

– Не хочу в темноте. Там всегда душно. Давай наверх залезем и там ложе устроим. Под небом чистым. Будет наше гнёздышко.»

– Ладно, только подожди чуть-чуть, устроим быстренько.

Но Лёха не представлял, как придётся забираться на самый верх копны, если под рукой ничего не было, кроме жердей.

– Ты пока тут похозяйничай, сходи куда надо, – улыбнулся он любимой, – а я пойду поищу чего-нибудь полезного». Интуиция его и тут не подвела – возле крайней копны он обнаружил припрятанную в старой траве лестницу, которую колхозники использовали для установки стожков сена. Приладив лестницу к самому большому из них, тесно окружённому со всех сторон деревьями и потому не видному ниоткуда, он забрался на самый верх и помог Инне залезть следом.

Через несколько минут они лежали в просторной сенной постели, укрытые от посторонних глаз высокими травяными стенами. Желток солнца потихоньку сползал за кромку соснового леса, полдневная жара таяла, уступая место вечерней прохладе.

Они расстелили куртки и взятое Инной небольшое покрывало.

– Мне что-то стало душновато, – еле слышно пошептала она не открывая глаз, – не хочу вставать, помоги мне, – и расстегнула боковой замочек на своей любимой синеватой юбке». Лёха аккуратно потянул её вниз, к ногам, и обнаружил, что под нею на ослепительно белом теле его любимой совсем ничего нет.

– Фокусница, – ласково улыбнулся про себя Лёха, – всё-то она продумывает, планирует наперёд, как шахматист».

– А верхнюю рубашку снимать мы не будем, – предложил он, – комаров, конечно нет, но прохлада обязательно будет».

Он уже реально представлял цель, которую ставила перед собой Инна в этой прогулке. Ему хотелось одного, а получилось по её плану совсем другое, но всё равно очень приятное. Лёха прилёг рядом с ней. Пьянящие запахи трав кружили голову, так и просили заснуть в лучах заходящего вечернего светила. Но ещё сильнее кружила голову сладкая мысль о любимой, с нетерпением ожидавшей нежности, жарких касаний, новых важных гостей, к приёму которых так безнадёжно-страстно уже привыкла её Ласковая Хозяйка.

Слегка коснувшись пальцами её живота, он сразу ощутил лёгкие капельки, внезапно проступившие на красивой коже. И желая почувствовать для себя искрящуюся влагу, наклонил лицо и кончиком языка слегка повёл линию вниз, туда, к «Золотым Воротам», зная, что теперь она желает именно только этого. Их створки уже трепетали, предвкушая встречу с его разно-

ликим язычком, который в своих вибрациях мог быть одновременно как ласково-мягким, так и настойчиво-упругим.

Тёплый, фруктовый запах влажной глубины дразнил Лёху, и он медленно погрузил в неё язык на встречу с Хозяйкой, мягко и кротко поглаживая «бархатные» стеночки её дворца до того мгновения, пока они не стали гибко двигаться под его упругими движениями.

Инна мягко, тихо застонала, её тело встрепенулось и стеночки «дворца» стали медленно сжиматься всё больше и больше, язык Лёхи стал безудержно, долго купаться в потоках влаги, и она, не утерпев, чувствуя подступающую волну страсти, руками повлекла его голову к себе, шепча: «Уже не могу без него, давай пустим туда скорее. «Хозяюшка» ждёт!»

Едва складочки «живчика» осторожно прикрыли бархатные стеночки «дворца», он сразу окунулся в бурлящий горячий океан, в котором принялся с наслаждением купаться, входя и выходя то медленно, то стремительно из его потоков.

Приливов и отливов становилось всё больше и больше. Именно тогда «живчик» почувствовал то яркое, остро-томительное мгновение, когда приблизившейся Ласковой Хозяйке надо было всё же отдать то, что уже принадлежало не ему, а ей по праву. И, чувствуя нетерпеливую дрожь стеночек «дворца», сжавших его до сладкого предела страсти, он с огромной радостью выпустил «гостей», нетерпеливо побежавших туда, в нежную влажную глубину, чтобы известить Ласковую Хозяйку о своём прибытии.

Но она и так знала об этом. «Дворец» исходил волнами влаги, удовольствия, и того последнего, окончательного витка счастья, от которого замирал весь внутренний дух, и сердце Инны, превращаясь в мягкий, совсем неслышный комочек, качаясь, улетало на невидимом облаке из тела.

Страстно и глубоко вздохнув, Инна попросила его поднести «живчика» к лицу, чтобы забрать последних, оставшихся в нём гостей. Губами вновь и вновь оглаживала его «щёчки», вызывая опоздавших к выходу, согревала его, успевшего немного съёжиться после жарких стеночек «дворца» и они снова и снова падали горячими каплями на язык, пока не истекли все до последнего из чудных природных хранилищ.

Силы её исчезли с последней каплей сокровищ. Утомленная приятным напряжением всего тела, она сладко дремала, согретая бурной энергией лёхиного тела. Сам он, полулежал рядом, ровно дыша ей в ушко, и, как ему казалось, не потратив никаких сил.

Но за этим видением пряталась усталость и от лесной прогулки, и от яркой, нежной, очередной близости с любимой. Пока она спала, Лёха искал истинные причины в переменах её поведения, и определился только с одним – ещё не уверенная в своём новом состоянии, Инна решила быстрее добиться того, чего хотела всю свою предыдущую жизнь. А проблемный вопрос отношений с матерью решила пока не тревожить, надеясь на его помощь.

Прохладный вечерний воздух, пропитанный пряным запахом разнотравья пьянил голову, дразнил сном, но Лёха всё ещё мог некоторое время героически сопротивляться, наслаждаться картиной спокойного сна спящей любимой. Однако через несколько мгновений сдался и мягко положил голову рядом с нею.

Однако спал он сравнительно недолго, потому что Инна, разогретая сном, близостью, источавшая самые разные запахи природы, спросонок стала медленно искать руками своего маленького героя, наградившего её невероятным удовольствием под открытым закатным небом. Лёха поцеловал спящую, и она открыла глаза: «А мы ещё спим?, – сонный голос любимой был глуховатым. Лёха поднёс Инне кружечку тёплого чая, налив его из термоса, прихватив с собой на верх копны.

– Какая прелесть! Мне ещё чаёк в постель подаёшь..– голос Инны снова был неподражаем. – Всё для меня делаешь сегодня. А потом как будем жить? Вот познакомишься с моей мамой, да сразу и убежишь от всех наших грехов куда подальше».

– С чего ты взяла, что убегу?, – Лёха посерьёзней и сторожко посмотрел на Инну.

– Да её мало кто в жизни терпел, – в голосе Инны снова сквозил лёд тревоги, – только папа мой да я. До сих пор мучаюсь. И не ссоримся вроде, но и не миримся. Неправильно это. Не по-человечески. Как неродные вовсе. И так обидно за нас, потому как несчастливые сразу стали из-за всей этой нелюбви. К друг другу, к самой себе..

– Но я-то тебя люблю очень..И ты любишь..»

– А я боюсь, что мама не полюбит больше меня, за то, что с тобой жить в счастье буду. И что же теперь делать?»

– Будем жить, будет маленький. Нас будет трое. Ну и мама там смягчится как-нибудь сердцем».

– Надеюсь. И всё время теперь боюсь, а вдруг Они там уже все погибли, никто не добежал, не соединился с ней, а? И все наши планы в прах..».

– Не думаю, – у Лёхи так и вертелась давняя мысль объяснить Инне получше, как всё происходит внутри её, но он не стал этого делать. – Мы ж молодые, у нас всё быстро делается»

– Правда?» – Правда, правда, – Лёха нежно погладил её по голове.– Это быстро всё случается, ну относительно. Не так видно, как сахар в стакане растворяется. Но почувствуешь через недельку, другую, как только твои очередные сигналы не придут».

– Я забыла, что ты у меня биолог. Умник ты мой ненаглядный. Всё равно мне приятно этим заниматься с тобой. Особенно когда они к ней выбегают. Такие горячие, словно кипяточек, их всех чувствую. Торопятся, пульсируют. А я на облаке от этого лечу».

Инна откинула голову. Над ними вечерело темнеющее небо, на котором совсем уже не было ни тучки, ни облачка, лишь кое-где в далёком пространстве бездонного космоса уже начинали проблёскивать самые крупные звёзды. Лёха придвинулся к ней:

– Ну, что, пойдём? Надо на последний автобус успеть. Мы его на повороте поймаем. Я знаю, там водители тоже тормозят. Мы на основную остановку просто не успеем прийти».

– Пойдём. – Инна оделась, и Лёха помог ей спуститься вниз. К повороту они вышли как раз вовремя. Не прошло и нескольких минут, как они уже сидели в автобусе и сладко дремали.

У дома он расстался с Инной. В квартире светились окна, и мать наверняка готовила ужин. Инна, расстроенная, опустила лицо. Было видно, как слёзы навернулись ей на глаза, и она не знала, что с ними делать. Расцеловавшись с Лёхой, быстро повернулась и ушла в подъезд.

Наступили новые дни. Приходя на работу, Лёха видел, что она держится лишь надеждой. Её глаза, теперь смешливо-тревожные, не могли его обмануть. Он тоже ждал перемен, когда можно было, наконец, вздохнуть свободно, и всё делать с радостью. Пятница на стала исключением. Как обычно, радостные и деловитые поехали домой и расстались до понедельника. Инна в воскресенье хотела отдохнуть, да и мама попросила её помочь по хозяйству.

Середина августа выдалась очень жаркой. Поливальные машины едва успевали увлажнять мостовую. Раскалённый воздух висел сплошной стеной и Автоград задыхался в неподвижном космосе жары. В тот день Лёха вышел на несколько минут раньше, чтобы подышать свежим утренним воздухом на пути к остановке. И уже издалека увидел свою любимую. Но в её фигуре уже было что-то другое, неизвестное ему. Сердце Лёхи заколотилось и он ускорил шаг.

Глаза Инны сияли загадочно и ярко. И ему не нужно было объяснять, что же с ней произошло. Обняв её и поцеловав, благо никого ещё не было на остановке, он спросил только:

– Да? – И она не стала даже говорить, лишь со счастливой улыбкой прикрыла глаза и радостно прижалась к его груди.

– Давай сегодня уедем пораньше к тебе на квартиру? Хочу провести эту ночь с тобой. Спокойно высплюсь. Маме сказала, что командирована в Самару на два дня и вернусь только послезавтра вечером.

– Ты меня ещё спрашиваешь? Я хоть куда с тобою поеду, лишь мигни. Я тоже с работы отпрошусь на два дня без оплаты. Вернее, у меня даже есть дни отгула. Возьму их и мы с тобой...» Тут Инна прикрыла ладошкой его губы и выразительно показала на людей рядом.

На работу они не ехали. Летели. Автобус казался им реальным волшебным планером в будущее, которое они строили своими руками, и к которому наконец-то подошли вплотную.

После обеда они оформили отгулы и выехали пораньше, чтобы успеть пройтись по магазинам, так как еды у Лёхи дома не было вовсе. Накупившись разной вкуснятины, они пришли к нему на квартиру и принялись готовить. Он знал, что Инна умеет кулинарничать, и в этот раз решил ей было помочь, но она улыбнувшись ему, сказала:

– Лучше покажи мне здесь где, что у тебя лежит и приберись пока в комнате, а я буду тебе готовить сюрприз. Действительно, часа через полтора изумительные запахи позвали Лёху на кухню и он не узнал своего холостяцкого стола: на красивой скатерти красовался настоящий ресторанный обед из крабового салата, ароматного супа, плова и его любимого компота.

– Ты у меня настоящая волшебница. Не только готовишь, но и угадываешь нужные блюда. Всю неделю мечтал о компоте. И вот он в собственной кружке стоит! Класс!. Ну а я там прибрался малость и теперь-то можно пообедать?

– Спрашиваешь..Зачем бы я тебя звала сюда, – в глазах Инны снова, как прежде, играли бесенята, и паутинки-сеточки опять прятались в их лёгком прищуре. Давай обедать, всё стынет уже.

– Да, никогда ещё не отвеживал так вкусно, – Лёха зажмурился от удовольствия, – сейчас бы «соточку» пропустить не мешало бы по такому случаю.

– Я тебе покажу «соточку», – загадочно произнесла Инна, – только попозже. А за обедом это вредно, отвлекает желудок от работы, жизни, и вообще его обижает. Ты ж биолог, должен знать что такое..Мне что ли объяснять..

Лёха понял, что любое упоминание об алкоголе сразу выводило её на отца и его болезненное пристрастие, укоротившее жизнь. Он решил больше не умничать ради спокойствия с нею, напоминая о печальных картинах минувшего.

Закончив есть, Лёха встал из-за стола и подошёл к Инне: «Какая ты у меня умелица, просто не знаю, как и что выразить словами. Это было что-то фантастическое. Иди в комнату, отдохни». Поцеловал её и взялся мыть посуду.

Улыбнувшись, она ушла. А Лёха взялся выполнять свой долг по приведению кухни и посуды в чистоту и порядок. Через несколько минут он заглянул в зал и увидел Инну крепко спящей на его постели, укрывшуюся тонкой простынкой. По-честному сказать, он и сам устал от всех дневных трудов, и решил тоже немного подремать после такого замечательного обеда.

Она лежала на кровати, раскинувшись под белой материей словно ребёнок, и Лёха долго искал место, где можно было бы пристроиться на постели, не разбудив любимую. Наконец, он выбрал момент, когда она повернётся на бочок, и скользнул к стене, чтобы там лечь посвободнее. Его присутствие тут же было замечено ею и во сне. Она заворочалась спросонок, почувствовав тепло его тела, которое словно магнит, привлекло её руки, тут же очутившиеся на его груди, и ноги, пожелавшие лечь там, где было потеплее.

Послеобеденный сон пошёл обоим на пользу. Первой стала просыпаться Инна. Открыв глаза, она ещё немного понежилась в его объятьях, потом осторожно освободилась от лёхиного плена и встала с постели, решив получше осмотреть его холостяцкое жильё, пока он спал.

Оно было довольно скромным: платяной шкаф, стоявший рядом с их кроватью, стол с компьютером и принтером, стеллаж с книгами, стирававшийся до потолка. Сходив на кухню утолить жажду, она быстро вернулась, и снова прилегла на кровать, видя что Лёха ещё спит. Лёжа в ней под ровное дыхание любимого, ей думалось проще. Она уже почти согласилась здесь жить, но какая-то тень внутри останавливала её, звала не торопиться. И эта тень мелькала навязчивыми мыслями о матери.

Инна не представляла себе ссоры с ней. И уж совсем не могла согласиться на её предложение выйти замуж за какого-то Олега, которого видела всего два раза на танцах. Уже тогда он

сразу стал ей неприятен: своими липкими холодными руками, улучив время, всегда старался залезть под юбку. И она решила всё-таки уйти к Лёхе.

– Пусть у него хоть и комната, но своя. А с квартирой можно пока и подождать, – думала Инна, – тем более что на заводе дают сейчас быстро. Не то, что у нас, в санатории». Эта мысль убедила её, и она снова, незаметно для себя, заснула, согретая горячим лёхиным телом. Они встали уже на вечернем закате.

– Да, вот мы как отдохнули, – сокрушённо заметила Инна, – теперь и не уснём вовсе. Ночь-то на что потратим? – улынулась она Лёхе.

– Была бы ночь, – смешливо подмигнул Лёха, – а потратить её мы-то уж сумеем. Правда?» И нежно обнял любимую, крепко прижав к себе. – Пойдём, прогуляемся под вечерок, – предложил он, – аппетит нагуляем на ужин. А там, глядишь, и ночь бархатная спустится только для нас...

– Вот ты всегда такой, – шутливо обиделась Инна, – мои мысли опережаешь. Будто книгу души читаешь. Я ещё как-то хотела днями на берегу побывать, на волны посмотреть.

– На море хочешь сходить? Так пойдём. Надо только взять чего, подстелить, а то вечер, прохладно будет». Лёха порылся в шкафу, вынул покрывало. – Я его всегда беру на пляж. Только хожу редко.

– Поехали. Пройдёмся по всему бережку, подышим воздухом чистым, – Инна мечтательно закрыла глаза, – мольбертик бы взять, да времени сегодня мало. Порисовала бы».

– Порисуешь ещё много чего. У нас всё будет впереди.

Через полчаса они уже медленно шли по набережной «морья». В Автограде так называется местными огромное Куйбышевское водохранилище, некогда затопившее окрестные села и город Ставрополь во время постройки плотины ГЭС. Лёха здесь был не раз в минувшие времена, и ему всё как-то не удавалось по-настоящему отдохнуть душой, потому что уходя от этих бесконечных волн, песка, и ветра над ослепительно блестящей водой, он всё время чувствовал разорванность души и сердца, его внутреннее беспокойство от пока неизвестных ему причин.

Вдруг Инна покачнулась, схватилась за руку Лёхи. Он тут же усадил её на ближайшую скамейку, вынул бутылку с напитком.

– Возьми, попей. Это компот, что ты мне варила, – Лёха сразу сообразил, что же с ней произошло. Она сидела, закрыв глаза и отрывисто дышала. Лёха присел рядом, обнял её.

– Это Он..., – Инна открыла глаза и положила голову Лёхе на плечо. У меня уже три недели признаки, слышишь. Сначала я сомневалась, но потом глянула на тест... А тебя не было рядом, только мама. Она ещё не знает. Ей сказать?

– Инночка, конечно! Вот увидишь, она тоже обрадуется.!

– Ага, она какая-то сама не своя второй день ходит. От Олега письмо получила, и мне не стала показывать. Спрятала. Я только конверт случайно увидела, но спрашивать не стала. Письмо-то ей написано. Захочет, расскажет. Но, как мне думается, она сильно письмом расстроена, потому что прячет его. Значит Олег этот противный передумал на мне жениться..Было б здорово...

– Скорее всего, так. – Лёха взял руку Инны в свою и стал гладить. Видишь, как время меняется, а ты боялась..

Инна прижалась к Лёхе ещё сильнее. Вечернее солнце уже касалось краем диска огромного водного зеркала, подкрашивая медью бесконечные барашки волн, и постепенно погружаясь в него, освобождая место сгущающейся темноте ночи.

– Пойдём, скоро совсем стемнеет, – Инна взяла Лёху за руку и они пошли берегом, дыша свежим воздухом с «морья». Через несколько минут они уже сидели в автобусе на пути к дому Лёхи.

– У меня телевизора ещё нет, может чайку попьём на вечер? – предложил Лёха, когда они только-только переступили порог его квартиры, – там ещё плюшки есть, а то я что-то проголодался.

– Точно, и варенья земляничного попробуем, а то я его принесла, днём так и не попробовали. Переодевшись в домашнее, Инна пошла на кухню готовить чай, а Лёха стал прибираться в комнате.

Через несколько минут она позвала его на кухню и они приступили к чаепитию.

– У тебя что, соседей нет, что ли?, – удивлённо подняла брови Инна. Целый день, тишина стоит, никого нет.

– Так я уж месяц без соседей. Никто не берёт комнату. Она маленькая, неудобная. Мне намекали, что если я женюсь и будет ребёнок, мне её «довесят», т.е. расширят мою жилплощадь.

– Даже так?, – Инна радостно удивилась. – И что ж ты молчал? Мог бы и поделиться».

– Знаешь, не был уверен в них. Сегодня они говорят одно, завтра другое, послезавтра третье, потом всё наоборот. А на днях я интересовался, так эта комната оказывается у них в резерве, т.е. не распределяется до особого распоряжения профбоссов, и кто там решает, один бох ведаёт.

– Хорошо бы, если б нам она досталась, – Инна мечтательно повела глазами. Я б там сразу хорошую детскую сделала, комната не на солнце, здорово. Или поменяли бы. Эту большую на ту маленькую, – не вставая из-за стола, задумчиво повертела в руке пустую кружку.

Через полчаса, лёжа в постели, она жарко обнимала Лёху и горячо шептала ему на ухо: «Здорово, что мы вот так вместе. Как-то неожиданно, но всё равно, будто целую жизнь давно живём. И теперь не надо ни от кого прятаться. Сами думаем, сами решаем, и никто нам больше не нужен. Только ты, я и Он. Давай его сейчас пустим к ней в гости порадоваться. Очень соскучилась по его шелковистым складочкам. Он такой весь ровненький, мускулистый, когда к ней входит. Его везде и всем-всем чувствую. А особенно, если её касается, всю меня под сердцем меня гладит нежно и ласково. От него в космос настоящий улетаю. Но сначала я с ним пошепчусь и поговорю. Хорошо?»

Справедливо расценив молчание Лёхи как знак согласия, она перевернулась лицом к «живчику» и страстно принялась ласкать «щёчки» губами, готовя их к погружению в свои глубины. Узнав всякие его тайны, она уже не боялась, что он раньше времени выпустит своих «гостей», повсюду нежно гладила мускулистое тельце. И, торопясь продлить удовольствие от него как можно больше, она перевернулась на спину и отправила его в гости к своей Ласковой Хозяйке.

«Золотые ворота», вздрогнув, мягко приоткрылись перед упругими «щёчками» «живчика», и он плавно опустился в потоки горячей, влажной темноты среди «бархатных» стенок «дворца» Хозяйки. Всё ему было так знакомо, но казалось неузнаваемым.

«Бархат» тёплых стенок казался больше, пушистее, да и сам «дворец» ощущался более тесным, чем прежде, а потоки влажного океана ещё плотнее и бурливее..«Живчик» стал двигаться вдоль этих живых, дышащих страстью «стенок», стараясь как можно чаще и чаще гладить их неповторимый, складчатый «бархат», исчезающий под его «щёчками», и тут же рождавшийся заново после их ухода. Через несколько мгновений сладостная волна, вспыхнувшая нежной дрожью внутри его тельца, подсказала что пора отдавать Ласковой Хозяйке то, ради чего он пустился в это приятное путешествие.

Инна была на вершине блаженства. Хозяйка получила новый ласковый подарок, волны от которого опять унесли её на мягкие облака, в которые можно было обернуться, и лежать, лежать, ощущая бесконечную нежность покоя..Эти белоснежные острова и унесли её в безмятежный сон. Нежные стоны и страстные восклицания потихоньку затихли, и только горячее ровное дыхание прикорнувшей к нему любимой Инны согревало щёку Лёхи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.